

ПОСЛЕДНЯЯ КОРОЛЕВА НОКТИРЫ

КРОВАВЫЙ ПОКРОВ

ДАНИИЛ ЗВЕРКОВ

Последняя Королева Ноктиры

Даниил Зверков

**Последняя Королева
Ноктиры: Кровавый Покров**

«Автор»

2026

Зверков Д.

Последняя Королева Ноктиры: Кровавый Покров / Д. Зверков — «Автор», 2026 — (Последняя Королева Ноктиры)

Аронелла Велкарис думала, что её народ исчез. Но за пределами известных карт она находит Ваэль-Терон — скрытый материк вампиров, где древняя кровь выжила, но изменилась до неузнаваемости. Теперь власть принадлежит Рейвису Морвату, правителю, который превратил память о прошлом в оружие, а страх — в закон. Аронелла пришла не за троном. Она пришла предупредить: мир за пределами Покрова рушится. Но поверят ли ей те, кто семьсот лет жил без неё? И что опаснее — чудовища, созданные алхимией, или правда, которую Морват скрывал от собственного народа?

© Зверков Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ТОТ, КТО НЕ ЛГАЛ	5
ГЛАВА 1	14
LIRSAEL ИЛИ СЛЫШАЮЩАЯ ДУША.	14
ГЛАВА 2	27
СОН БЕЗ ТЕЛА	27
ГЛАВА 3	41
ЛЕДЯНОЙ ЗАСЛОН	41
ГЛАВА 4	55
ГОСТИ МОРВАТА	55
ГЛАВА 5	66
СВЕТ ОСТАВИЛ КОРОЛЯ	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Последняя Королева Ноктиры: Кровавый Покров

ПРОЛОГ

ТОТ, КТО НЕ ЛГАЛ

701 год Счёта Четырёх Корон.

Шестой день Таленя.

Веларион.

Башня алхимиков больше не касалась неба. Её верхние ярусы, когда-то пронзавшие серые облака Велариона острыми шпильями из белого камня и тёмного металла, теперь лежали внизу — расколотыми плитами, обожжёнными балками, грудями стекла и пепла. Ветер проходил сквозь проломы, свистел в пустых арках и поднимал с пола тонкую серую пыль, словно сама Башня всё ещё пыталась дышать после удара. Когда-то это место называли Башней алхимиков.

Сердце Ордена алхимиков. Гордость Аурелии. Место, где знание считалось выше страха. Теперь оно пахло гарью, кровью и мокрым камнем. У главных ворот стояли королевские гвардейцы.

Их тёмно-золотые плащи с символом феникса резко выделялись на фоне белого камня и чёрных следов пожара. Стража перекрыла северный вход, южную арку, разрушенный двор и все лестницы, ведущие к нижним уровням. У каждого прохода стояли люди короны. Не алхимики. Не ученики. Не служители Башни. Солдаты. После той ночи башня больше не принадлежала только Ордену. Формально это называлось совместным контролем. На деле — концом прежней неприкосновенности. Элдриан Солвей стоял у разбитого окна в зале хроник и смотрел вниз, на внутренний двор. Там грузчики вытаскивали из-под обломков уцелевшие шкафы. Писари короны переписывали названия архивов. Двое военных инженеров спорили с пожилым алхимиком у рухнувшей стены, а тот с трудом скрывал презрение. Ещё вчера он мог бы выгнать их одним словом. Сегодня он вынужден был объяснять, почему за этой стеной находился запечатанный ход, которого не было на официальных чертежах. Элдриан смотрел спокойно. Люди всегда начинали понимать смысл власти только тогда, когда у них отнимали привычку не отвечать. За его спиной скрипнула дверь.

— Магистр Солвей.

Элдриан не обернулся сразу. Он узнал голос.

Молодой ученик. Бледный. С перевязанной рукой. Один из тех, кто пережил разрушение Башни только потому, что в ночь катастрофы находился в нижнем архиве. Имени Элдриан всё ещё не помнил. Лицо — да. Страх — тем более.

— Король прибыл, — сказал юноша. — Он ожидает вас в западном зале.

— Один?

— Нет. С ним лорд-канцлер, двое писарей и капитан королевской гвардии.

— Значит, он пришёл не смотреть на разруху.

Ученик не понял, что ответить. Это было хорошо. Элдриан медленно повернулся и прошёл мимо него. Коридоры Башни изменились за эти несколько дней. Не физически. Пока ещё нет. Но смысл пространства уже стал другим. В западном зале было холодно. Верхняя часть стены обвалилась, и через широкий пролом в помещение проникал серый утренний свет. На полу ещё оставались следы крови, хотя их уже пытались смыть. Камень помнил лучше воды. Король Аларик IV Аурелиан стоял у длинного стола, на котором были разложены первые планы реконструкции. Он выглядел усталым. Не сломленным. Не растерянным. Именно усталым — так, как устают люди, которым приходится принимать решения быстрее, чем они успевают пережить последствия предыдущих. На нём не было тяжёлой короны. Только тонкий обруч из белого золота и тёмный плащ с фениксом. Лицо спокойное, но взгляд стал жёстче, чем несколько дней назад. Катастрофы редко делают добрых правителей жестокими сразу. Сначала они делают их внимательными. Элдриан остановился в нескольких шагах и склонил голову.

— Ваше величество.

Аларик посмотрел на него.

— Магистр Солвей.

Между ними лежал стол. На столе — пергаменты, печати, чертежи, списки погибших, перечни уцелевших отделов, первые отчёты о существах, уничтоженных в южных кварталах. И королевский указ. Тот самый. Подписанный рукой Аларика. Скреплённый печатью Аурелии.

Элдриан уже читал его утром.

С этого дня все работы по восстановлению башни алхимиков проходили под надзором короны. Все отделы Ордена обязаны были предоставлять отчёты. Все закрытые лаборатории временно переходили под совместную охрану королевской гвардии и назначенных представителей Ордена. А главным ответственным за реконструкцию Башни назначался он. Элдриан Солвей.

Хранитель хроник. Память Ордена. Человек, которому доверяли именно потому, что он хранил память всего ордена.

— Я получил ваши первые распоряжения, — сказал Аларик.

— Они требуют уточнения?

— Они требуют уверенности.

Элдриан ждал. Аларик положил ладонь на один из чертежей.

— Вы предлагаете начать не с верхних уровней, а с архивных и нижних крыльев.

— Да, ваше величество.

— Город видит разрушенный шпиль. Людям важно увидеть, что Башня восстанавливается.

— Людям важно знать, что причина разрушения не повторится.

Аларик задержал на нём взгляд.

— А причина была внизу?

— Причина была глубже, чем верхние этажи.

Король молчал несколько секунд. Лорд-канцлер рядом с ним слегка нахмурился, но не вмешался. Аларик не любил, когда за него думали вслух. На столе лежал ещё один лист.

Не чертёж. Отчёт. Король положил на него руку так резко, что один из писарей вздрогнул.

— Тогда начнём с главного, — сказал Аларик. — Что это были за твари?

В зале стало тише. Даже ветер за проломом будто ослаб. Все знали, о чём спрашивает король.

Не о рухнувших камнях. Не о пожаре. Не о том, сколько архивов погибло в огне. О существах, которые вышли на улицы Велариона. О телах с неправильными костями, с искажённой

плотью, с жилами, в которых светилась не кровь, а что-то холодное и чужое. О тех, кого стража не могла убить обычной сталью. О тех, кто разрывал людей в южных кварталах, пока город пытался понять, где кончается ночь и начинается конец.

— У меня пока нет полного ответа, ваше величество, — сказал Элдриан.

Аларик медленно поднял на него взгляд.

— Пока — плохое слово, когда речь идёт о чудовищах, которые появились в моей столице.

— Согласен.

— Тогда дайте мне другое.

Элдриан опустил глаза на отчёт.

Там были описания: деформированные тела, усиленная костная структура, следы регенерации, отсутствие обычных признаков питания, странная реакция на повреждения, кристаллизованные остатки внутри грудной клетки. Достаточно, чтобы сказать правду. Недостаточно, чтобы сказать всю.

— Судя по первичным признакам, — произнёс он, — эти существа не имеют естественного происхождения.

Аларик не изменился в лице.

— То есть их создали.

— Вероятнее всего.

— В Башне?

Пауза.

Очень короткая.

Но Элдриан знал: короли слышат паузы лучше слов.

— Следы указывают на закрытые исследования внутри Ордена, — сказал он. — Возможно, часть экспериментов велась без ведома короны. Возможно, без ведома большинства Совета.

— Большинство?

— Я не хочу делать выводы до проверки.

Аларик резко выдохнул.

— Люди мертвы, магистр. Город видел то, чего не должен был видеть. Стража сражалась с существами, о которых нам никто не докладывал. Ведьмак едва удержал южные кварталы. Люди, присланные Борном, помогали очищать улицы, пока часть моих собственных советников спрашивала, какие документы нужно спасти первыми.

Его голос не повысился. Но каждое слово стало тяжелее предыдущего.

— И вы говорите мне, что вам нужно время?

Элдриан спокойно выдержал его взгляд.

— Да, ваше величество.

В зале стало совсем тихо.

— Потому что если я дам вам быстрый ответ, он будет удобным. А вам сейчас нужен не удобный ответ. Вам нужен точный.

Аларик молчал.

Элдриан продолжил:

— В Башне были уровни доступа, о которых знали не все. Были лаборатории, чьи отчёты не проходили через обычные архивы. Были исследования, оформленные как теоретические, хотя, судя по последствиям, они давно перешли к практике.

— Малверис?

— Его имя встречается в нескольких уцелевших журналах.

— Только его?

— Пока — да.

Это было почти правдой. Почти.

Аларик отвернулся к разбитому окну. За ним лежал Веларион. Город ещё не пришёл в себя. На крышах оставалась сажа. Улицы, по которым недавно бежали люди, теперь казались слишком широкими. На кладбищенском холме за северными воротами чернели свежие ряды земли. В некоторых домах окна были закрыты ставнями даже днём. Люди хоронили мёртвых. И уже начинали спорить, кто виноват. Это было опаснее траура.

— Я дал разрешение на экспедицию, потому что в записях Малвериса нашли упоминание неизвестных земель, — сказал король. — Земель за пределами известных путей. Земель, которых нет на наших картах.

— Да, ваше величество.

— Официальная цель — найти Малвериса и понять, что он искал.

— Именно так.

— Аронелла прибыла как доверенное лицо Борна Варкара. Ведьмак Каэль Варион помог защитить город. Лира Эверен знает записи отца и видела больше, чем многие хотели бы признать. Я дал им полномочия не потому, что доверяю всем тайнам вокруг них.

Он повернулся обратно.

— А потому что сейчас у них есть путь, которого нет у нас.

— Это разумное решение.

— Это опасное решение.

— Иногда между ними нет противоречия.

Король смотрел на него долго. Потом его взгляд снова упал на отчёт о существах.

— Я хочу знать, кто их создал. Где. Зачем. И сколько их ещё может быть.

— Я подготовлю первый отчёт.

— Не первый отчёт. Правду.

Элдриан чуть склонил голову.

— Правда требует времени.

Аларик сделал шаг ближе.

— У вас оно есть. Но немного.

Элдриан выдержал паузу.

— Мы восстановим Башню, ваше величество. Наведём порядок в архивах. Отделим скрытые исследования от законных. Вернём контроль над тем, что уцелело. Вам не стоит тревожиться сверх меры. Всё будет отстроено заново. Он произнёс это мягко. С частичкой заботы. И именно поэтому слова ударили не туда, куда должны были.

Аларик застыл. Впервые за всё утро его лицо изменилось. Не сильно. В глазах появилась не усталость. Гнев.

— Не стоит тревожиться? — тихо повторил он.

Лорд-канцлер едва заметно напрягся.

Элдриан молчал.

Аларик сделал ещё один шаг. Теперь между ними было совсем мало расстояния.

— В моей столице из-под земли выходят твари, которых никто не может объяснить. Люди умирают на улицах. В провинциях уже идут слухи о странных болезнях, о скоте, который падает без причины, о детях, которые просыпаются ночью и кричат, будто слышат голоса под землёй. Башня, которой я доверял безопасность королевства, оказалась полна закрытых ходов и опытов, о которых корона узнаёт последней.

Его голос стал ниже.

— Король Солмиры мёртв. Южный престол стоит пустым, и пока их знать выбирает нового правителя, половина их домов уже торгуется за власть, а другая половина зовёт это трауром.

Он ударил пальцем по столу. Звук разошёлся по залу резче удара меча.

— Внутри моего собственного королевства люди уже делятся на тех, кто требует казнить алхимиков, и тех, кто требует дать им ещё больше власти, чтобы они защитили нас от того, что сами же и выпустили. Совет спорит. Стража не доверяет Ордену. Орден не доверяет страже. Народ не доверяет никому. Он коротко усмехнулся. Без радости.

— А королева Талирии уехала обратно к себе так тихо, будто никогда здесь и не была. Последняя лиса континента. Всегда знает, когда покинуть зал до того, как рухнет крыша.

В комнате никто не дышал громко. Аларик посмотрел прямо на Элдриана.

— И после всего этого вы говорите мне не тревожиться?

Элдриан склонил голову. Ровно настолько, насколько требовало достоинство короля.

— Я выразился неудачно, ваше величество.

— Нет, магистр Солвей. Вы выразились очень показательно.

Аларик выпрямился.

— Именно так всё это и выглядит изнутри вашей Башни. Камни можно сложить заново. Архивы — переписать. Трупы — посчитать. Ошибки — назвать закрытыми исследованиями. А потом сказать королю, что всё будет отстроено.

Он медленно убрал ладонь со стола.

— Но королевство — не Башня. Его нельзя восстановить чертежом.

Элдриан молчал. И в этом молчании не было ни согласия, ни сопротивления. Только пристальное внимание.

Аларик отвернулся первым.

Это было важно.

— Все сведения об экспедиции будут поступать ко мне напрямую, — сказал он уже ровнее. — Донесения из портов. Сообщения от капитана. Любые слухи о Малверисе. Любые упоминания о землях за пределами известных карт.

— Разумеется.

— И всё, что касается этих существ. Я хочу полный перечень лабораторий, имён, материалов и уцелевших образцов.

— Будет исполнено.

— Лично вами.

— Да.

— И если я узнаю, что хоть один отчёт был изменён

Аларик не договорил.

Элдриан встретил его взгляд.

— Тогда я сам передам виновного королю.

— Даже если это будет человек Ордена?

— Особенно если это будет человек Ордена.

Лорд-канцлер посмотрел на Элдриана внимательнее. Слишком прямой ответ всегда казался честным. Люди любили прямые ответы. Они редко замечали, куда именно эти ответы ведут.

Через несколько минут король ушёл. С ним вышли лорд-канцлер, капитан гвардии, писари и часть стражи. Но печать осталась. Указ остался. Королевские люди остались у ворот. А главное — осталось новое правило. Отныне правда должна была двигаться через Элдриана. Именно этого король и хотел. Разве нет? Когда шаги стихли, молодой ученик, всё это время стоявший у дальней стены, наконец осмелился приблизиться.

— Магистр?

— Да.

— Теперь каждый архивный зал должен быть открыт для королевских людей?

Элдриан посмотрел на него. Вопрос был хороший. Не умный ещё. Но уже не глупый.

— Открыт, — сказал он, — не значит понятен.

Юноша замер.

— Но если они потребуют объяснений?

— Мы дадим объяснения.

— Все?

— Достаточные.

Ученик сглотнул. Он был слишком молод, чтобы понимать, что большинство систем держится не на тайнах, а на правильной последовательности открытых дверей.

Элдриан прошёл к столу, где лежали первые планы реконструкции. Провёл пальцем по линии западного крыла.

— Переписчиков перевести сюда.

Палец сместился ниже.

— Уцелевшие архивы — в северные залы. С допуском по трём уровням.

Ещё ниже.

— Лаборатории нижнего круга закрыть до проверки.

— Королевской?

— Нашей.

— Но приказ

— Приказ требует отчётности и контроля. Чтобы отчитываться, мы должны знать, что именно контролируем.

Юноша кивнул слишком быстро.

Элдриан заметил.

— Не соглашайтесь с тем, чего не поняли.

Тот покраснел.

— Простите.

— Не извиняйтесь. Думайте.

Ученик опустил глаза на чертёж.

— А это что?

Он указал на новую линию, которой не было в старой структуре Башни.

— Связующий коридор.

— Его не существовало.

— Поэтому его нужно построить.

— Он ведёт к нижним хранилищам?

— К новой системе доступа.

— Для королевских людей?

Элдриан слегка улыбнулся.

— Для всех.

Юноша не понял, почему от этого ответа ему стало тревожнее. Тревога часто была первым признаком того, что разум ещё жив.

— Город ждёт заявления, — сказал ученик. — У площади снова собираются люди.

— Пусть ждут.

— Они боятся.

— И правильно делают.

Юноша поднял взгляд.

Элдриан подошёл к разбитому окну. Веларион лежал под серым небом — большой, усталый, ещё живой. На улицах двигались повозки с товарами. У домов стояли группы людей. На дальнем кладбищенском холме чернели свежие ряды земли. Люди хоронили мёртвых.

И ждали слов от живых. Они хотели знать, что произошло. Нет. Не так. Они хотели, чтобы кто-то сказал им, как теперь жить с тем, что произошло.

— Страх — не ошибка, — произнёс Элдриан. — Страх появляется там, где разум наконец замечает реальность.

— Что мы им скажем?

Элдриан не сразу ответил. Он смотрел на город. На его крыши. На дым. На людей, которые ещё верили, что порядок можно восстановить, если правильно сложить камни обратно.

— Мы скажем им правду.

Ученик заметно выдохнул.

— Но не всю.

Тишина стала плотнее.

— Магистр?..

Элдриан повернулся к нему.

— Полная правда разрушает неподготовленный разум. Она не освобождает. Она ломает. Люди говорят, что хотят знать всё, но чаще всего они хотят только достаточно света, чтобы не видеть, насколько велика тьма вокруг них.

— Но если мы скроем

— Мы не скроем.

Голос Элдриана оставался тихим. От этого он звучал тяжелее.

— Ложь — грубый инструмент. Ею пользуются слабые правители, плохие жрецы и неопытные учёные. Ложь требует постоянного ремонта. Она трескается. Оставляет следы. Заставляет того, кто её произнёс, помнить слишком много лишнего.

Он сделал шаг ближе.

— Я не лгу.

Юноша молчал.

— Я выбираю, какую часть истины мир способен пережить.

За окном снова ударил колокол.

Один раз.

Потом второй.

Потом третий.

Не праздничный звон. Не траурный. Созыв.

Город звал тех, кто должен был объяснить ему собственный страх. Элдриан закрыл глаза на одно мгновение. Когда-то он действительно верил, что знание должно защищать мир. Не владеть им. Не подчинять его. Не заменять собой веру, кровь, природу и смерть. Просто защищать. Он помнил это своё прежнее убеждение почти с нежностью. Как вспоминают лицо человека, умершего давно, но оставившего после себя аккуратно сложенную одежду. Потом он увидел, как знание попадает в руки трусов. Труссы превращали его в запреты. Как знание попадало в руки королей. Короли превращали его в налоги, стены и казни. Как знание попадало в руки тех, кто называл себя верующими. Они превращали его в молитвы, от которых не спасался ни один ребёнок. И как знание попадало в руки тех, кто был достаточно силен, чтобы понять: мир не ждёт спасения. Мир ждёт формы. Новой. Более точной. Более послушной.

Элдриан открыл глаза.

— Идите, — сказал он ученику. — Начните перенос архивов. Всё, что связано с Малверисом, Кассианом Эвереном, нижними лабораториями и упоминанием западных морей, — отдельно.

— Под королевскую печать?

— Под мою.

Ученик замер.

— Но король

— Получит отчёт.

Пауза.

— После проверки данных.

Юноша склонил голову и ушёл.

Элдриан остался один. На столе лежал указ Аларика. Он подошёл к нему и провёл пальцем по королевской печати.

Феникс.

Птица, которая, по человеческим легендам, возрождается из пепла. Красивый символ. Наивный.

Люди любили верить, что пепел означает начало. Они редко спрашивали, кто именно поджжёт старый мир. Элдриан отвернулся от стола и направился к дальнему проходу. Там, за полуобвалившейся стеной, начиналась узкая лестница вниз. Её почти не было видно среди теней и трещин. Большинство членов Ордена считали этот ход старым техническим спуском, ведущим к пустым хранилищам. Большинство членов Ордена вообще удивительно легко принимали удобные объяснения. Он спускался долго. С каждым пролётом воздух становился холоднее. Шум наверху исчезал. Голоса людей, скрип носилок, звон инструментов, крики на площади — всё растворилось в толщине камня. Остался только звук его шагов и редкий шорох пыли, падающей с потолка. Внизу Башня была другой. Не белой. Не учёной. Не открытой миру.

Здесь стены были сложены из тёмного камня, которого не должно было быть под Веларионом. На них едва заметно проступали старые линии — не человеческие руны, не формулы Ордена, не знаки четырёх корон. Старше. Глубже. Опаснее. Элдриан остановился перед круглой дверью без ручки. Положил ладонь на центр. Камень под пальцами был холодным, но не мёртвым.

Он ждал.

— Noeth ven, — тихо произнёс он.

Истина звучит.

Линии на двери вспыхнули слабым серым светом.

— Na vael.

Но не вечно.

Камень дрогнул и раскрылся внутрь. За дверью лежал зал, которого не существовало ни на одной карте Башни. Он уходил вниз так глубоко, что свет факелов не доставал до основания. В центре зала располагался круг из чёрных плит. Между ними проходили тонкие канавки, похожие на жилы. В этих жилах двигалось что-то бледное, почти прозрачное — не вода, не дым, не свет. Энергия. Слабая. Повреждённая. Но живая. В самом центре круга раскрывался провал.

Не яма. Не шахта. Скорее рана в земле. Оттуда поднимался глухой, низкий звук, настолько глубокий, что его нельзя было услышать ушами. Его чувствовали костями. Сердцем. Теми частями существа, которые ещё помнили, что мир когда-то был собран из дыхания Матери Жизни. Элдриан подошёл к краю. Посмотрел вниз. И впервые за это утро позволил себе улыбнуться. Не радостно. Не победно. Почти печально.

— Ты всё ещё дышишь, — сказал он пустоте.

Из глубины ответил слабый пульс.

Раз.

Ещё раз.

Как сердце, которое слишком долго изнуряли. Элдриан опустился на колено. Не в молитве.

Так мастер склоняется перед механизмом, который пережил века и всё ещё способен работать, если знать, где коснуться.

— Они думают, что я восстанавливаю Башню, — тихо произнёс он.

Пульс в глубине стал чуть сильнее.

— Нет.

Он вытянул руку над провалом.

— Я восстанавливаю путь.

В древних канавках между плитами бледная энергия дрогнула. Едва заметно.

Элдриан смотрел на неё спокойно. С вниманием врача, который знает: больной ещё не очнулся, но сердце уже ответило.

— Корабль ушёл, — сказал он. — Они идут к другой стороне раны.

Глубина молчала.

— И приведут нас туда, куда мы не могли дотянуться.

Он опустил руку.

— Король думает, что отправил их искать предателя.

Тихая улыбка вернулась на его лицо.

— В некотором смысле он прав.

Сверху снова ударил колокол. Город ждал. Король ждал. Орден ждал приказов. А под ними, в скрытом сердце Башни, мир всё ещё пытался дышать.

Элдриан поднялся. Пора было возвращаться наверх. Пора было говорить с людьми. Пора было дать им правду. Не всю. Только ту, которая заставит их однажды самим построить двери в собственную клетку. Он повернулся к выходу, и тень от его фигуры легла на древний круг так, словно Башня наконец вспомнила, кому принадлежит её настоящее сердце.

Первый шаг новой веры был сделан не на площади.

Не перед народом.

Не перед королём.

Он был сделан здесь — под разрушенной Башней, у раны в земле, где мир ещё пытался удержать свою прежнюю форму. И Элдриан Солвей, человек, который не считал себя лжецом, уже знал: однажды этот мир заговорит новым голосом. И люди назовут его богом.

ГЛАВА 1

LIRSAEL ИЛИ СЛЫШАЮЩАЯ ДУША.

701 год Счёта Четырёх Корон. Третий день Зеленаара. Западное море.

Ли́ра снова видела, как падает её мать. Только на этот раз башни не было. Не было ветра на вершине. Не было каменной площадки, обожжённых рун и холодного света над Веларионом. Не было Малвериса у края, его спокойной улыбки, его руки на шее женщины, которую Ли́ра так долго пыталась спасти. Была только тьма. Густая. Чёрная. Без верха и низа. Мать падала в неё медленно, почти бесшумно, будто не тело срывалось вниз, а воспоминание уходило туда, откуда его уже нельзя вернуть. Ли́ра пыталась закричать. Не смогла. Воздух не входил в лёгкие. Горло сжалось, как будто невидимые пальцы сомкнулись на её шее. Она рванулась вперёд, но ноги не слушались. Пространство вокруг тянулось и тянулось, превращаясь в вязкую чёрную воду. Мать всё ещё падала. И не отдалялась. Она оставалась рядом, прямо перед глазами, с бледным лицом, с закрытыми веками, с волосами, медленно плывущими в темноте, словно уже под водой. Девушка вытянула руку. Пальцы прошли сквозь пустоту. Тьма дрогнула. И тогда она почувствовала это. Не голос. Не шаг. Не лицо за спиной. Что-то смотрело. Не издалека. Не сверху. Не из угла сна. Из самой темноты. Ли́ра попыталась вдохнуть ещё раз. Грудь не раскрывалась. Сердце забило так быстро, будто хотело вырваться из тела раньше, чем тело вспомнит, как дышать. Тьма обвилась вокруг неё плотнее. Мать исчезла. На её месте осталась вода. Чёрная, неподвижная, без отражения. И в этой воде проступила Башня алхимиков. Не разрушенная. Целая. Высокая. Чересчур спокойная для места, где умерли люди. Ли́ра услышала шёпот. Не слова. Скорее намерение, которому ещё не дали форму.

Не смотри. Она рванулась назад. Не ищи. Воздуха не было. Не вспоминай.

Ли́ра открыла глаза. И всё ещё не могла дышать. Она сидела на койке, вцепившись пальцами в грубое одеяло. Каюта вокруг качнулась. Потом ещё раз. Дерево скрипело, вода глухо билась о борт, где-то над головой тяжело прошли шаги ночной вахты. Море. Корабль. Не Башня. Не вершина. Не рука Малвериса. Ли́ра попыталась вдохнуть. Воздух вошёл в грудь коротко и больно. Потом снова. Ещё. Она зажмурилась, прижимая ладонь к горлу, будто хотела убедиться, что там больше нет чужих пальцев. Сердце билось быстро. Под рёбрами было тесно. В висках пульсировала боль. Свеча на столе почти догорела. Её пламя дрожало, то вытягиваясь, то оседая вниз, будто тоже не могло решить, жить ему или погаснуть. На столе лежал дневник Малвериса. Тёмная кожаная обложка. Металлические уголки. Запах соли, старой бумаги и чужого ума. Ли́ра смотрела на него несколько секунд. Потом медленно поднялась. Пол под ногами качнулся, но она уже привыкла. За два месяца в море тело научилось держать равновесие даже тогда, когда разум не хотел держаться ни за что. Она села за стол. Пальцы сами потянулись к дневнику. В первый день пути она не могла смотреть на эту вещь без тошноты. Ей казалось, что если открыть обложку, оттуда снова выйдет Малверис — спокойный, уверенный, почти вежливый. Человек, который говорил так, будто любое убийство было всего лишь частью рассуждения. Теперь она открывала дневник каждую ночь. С ненавистью. С усталостью. С жадностью. Иногда ей казалось, что это одно и то же. Малверис забрал у неё отца. Потом — мать. А между ними забрал ещё кое-что, что оказалось не менее страшным. Он забрал у неё прежний мир. Тот, где Орден был сложным, но нужным. Где алхимия была опасной, но служила знанию. Где отец умер из-за несчастного случая, а не потому, что подошёл слишком

близко к истине. Где мать можно было спасти, если бежать достаточно быстро. Где правда была чем-то, что находят, а не тем, что переживают, как нож под рёбрами. Лира провела ладонью по раскрытой странице. Почерк Малвериса был аккуратным. Почти красивым. От этого становилось только хуже. Он даже безумие записывал так, будто составлял список расходов. На полях было много пометок: координаты, обрывки фраз, странные символы, пересекающиеся окружности, линии, похожие на морские течения, но не совпадающие ни с одной картой, которую Лира видела прежде. Она перечитывала эти страницы десятки раз. Первые недели слова сопротивлялись. Теперь начали складываться. Не в ответ. Пока нет. В направление.

Два месяца они шли на запад, затем севернее, потом снова меняли курс. Иногда капитан спорил с Каэлем. Иногда с Аронеллой. Порой просто молчал, потому что спорить с человеком, который смотрит на океан так, будто помнит его рождение, было тяжело даже самому упрямому моряку. Официально они шли по следам Малвериса. К неизвестным землям, упомянутым в его записях. К месту, куда мог бежать предатель Башни алхимиков. Лира знала: это была только часть правды. Вторая часть лежала глубже. Если записи были верны, где-то за туманами и льдами существовала земля, которой не было на человеческих картах. Земля, где могли выжить вампиры. Ещё полгода назад одно только слово вампиры вызвало бы у неё образ старой страшной сказки. Тёмные замки. Кровь. Клыки. Древнее зло, которым пугали детей и оправдывали историю, написанную победителями. Теперь она плыла рядом с Аронеллой. Женщиной, которую мир должен был считать легендой. Первым существом, созданным Матерью Жизни. Прародительницей той самой расы, которую люди веками представляли чудовищами. Лира тихо усмехнулась. Смех вышел слабым и совсем не весёлым. Если бы кто-то сказал ей год назад, что она будет сидеть ночью на корабле, читать записи убийцы своего отца и плыть к земле, где может скрываться целый народ вампиров, она решила бы, что этот человек сошёл с ума. Теперь безумием казалось всё, во что она верила раньше. Она подтянула свечу ближе. Пламя осветило строчку, которую она обвела ещё вчера.

Лёд не является границей.

Ниже — другая фраза.

Лёд — способ скрыть то, что мир не должен был помнить.

Лира сжала зубы.

— Что ты искал? — прошептала она.

Дневник, разумеется, не ответил. Малверис даже после исчезновения умел молчать так, чтобы это бесило сильнее любого ответа. Она перевернула страницу. Там была схема: круг, разделённый на несколько слоёв. Внешний слой — волны. Потом — лёд. Потом — пустое пространство, перечёркнутое несколькими знаками. В центре — слово, которое Лира долго не могла разобрать. Сегодня буквы вдруг показались ей яснее. Не потому, что изменились. А потому, что она сама стала ближе к их смыслу.

Покров.

Лира задержала дыхание. Не туман. Не ледяная полоса. Не штормовая зона. Покров. То, что не просто мешало пройти. То, что скрывало. За стеной каюты море ударило в борт. Глухо. Ровно. Будто подтверждало. Лира взяла перо и потянулась к чистому листу, чтобы переписать схему. На первой строке она машинально поставила дату.

Третий день Зеленара.

Перо замерло. Она смотрела на слова так долго, будто они были написаны чужой рукой. Третий день Зеленара. Сердце болезненно сжалось. Она пересчитала. Потом ещё раз. И медленно опустила перо. Сегодня ей исполнилось двадцать. Лира закрыла глаза. Она забыла. Не перепутала. Не отложила мысль. Не решила не отмечать. Просто забыла. Среди кошмаров, дневника, тренировок, моря, смерти, злости, страха и бесконечных попыток понять, куда ведут записи Малвериса, она забыла день собственного рождения. Сначала это показалось почти смешным. Потом — невыносимо грустным. Мать всегда помнила. Даже когда Лира притворя-

лась, что выросла из таких вещей. Даже когда отец, погружённый в бумаги и формулы, забывал о времени, мать утром ставила перед ней чашку тёплого молока с мёдом и говорила: Сегодня мир стал немного шумнее, потому что в нём появилась ты. Лира резко вдохнула. Грудь снова сжало. Нет. Не сейчас. Она не могла позволить себе развалиться от даты. Не здесь. Не над дневником Малвериса. Не над словами человека, который забрал у неё тех, кто эту дату помнил. Лира снова взяла перо. Рука дрожала. Она заставила себя писать.

Покров. Не естественная преграда. Возможно, система сокрытия. Реагирует не на движение корабля, а на

Перо остановилось. На что? На намерение? На кровь? На язык? Свеча мигнула. Лира подняла глаза. Тень в углу каюты стала глубже. На мгновение ей показалось, что оттуда кто-то смотрит. Она резко встала, зацепив коленом ножку стола. Дневник сдвинулся, несколько листов поехали в сторону.

— Кто здесь?

Только море, скрип дерева и её дыхание. Девушка медленно села обратно. Глупо. Никого не было. И всё же ощущение не исчезло. Она дописала строчку.

Реагирует на состояние .

Дальше рука стала тяжелее. Буквы поплыли. Она моргнула. Один раз. Второй. Сонступил не мягко, а как обрыв. Сначала она ещё видела страницу, затем только пятно света, затем тёплое дерево под локтем. Лира попыталась поднять голову. Не смогла. Последняя мысль была прямой и почти злой.

Я должна понять раньше него.

Она не знала, кого имела в виду. Малвериса. Или саму тьму, которая смотрела из сна. Потом она уснула прямо за столом.

АРОНЕЛЛА. УТРО.

Аронелла открыла глаза до рассвета. Каюта была тёмной, но не пустой. Она давно научилась отличать одиночество от тишины. Одиночество давило изнутри. Тишина просто существовала рядом. Эта каюта была тесной, низкой, пропахшей солью, деревом, кожей, железом и морским холодом, но в ней не было одиночества. Рядом спал Каэль. Не глубоко. Ведьмаки, кажется, вообще не умели спать без остатка. Даже во сне его рука лежала так, чтобы в любой момент дотянуться до оружия. Плечи сохраняли напряжение. Лицо оставалось строгим. Но дыхание было ровным. Для него это уже было редкостью. Аронелла смотрела на него несколько мгновений. В Чёрном Шпиле у неё были покои, способные вместить целый зал человеческого дворца. Здесь же едва хватало места для узкой койки, сундука, крючьев на стене и закреплённого ремнями оружия. Когда корабль резко кренился, вещи всё равно начинали стучать друг о друга, как будто каюта спорила с морем. И всё же именно здесь, в тесноте и скрипе, ей было не тяжело просыпаться. Она привыкла к пустоте вокруг себя. К пространству, где никто не подходил слишком близко. К тому, что её силу уважали, боялись, искали, пытались использовать, но редко просто оставались рядом. Каэль остался. Не потому что не понимал, кто она. А потому что понимал достаточно, чтобы не отступить. Аронелла медленно поднялась, стараясь не разбудить его. Он всё равно едва заметно пошевелился. Не проснулся. Или сделал вид, что не проснулся. Она улыбнулась краем губ. Осторожно накинула тёмный плащ, закрепила волосы и взяла сапоги в руку, чтобы не стучать по полу. У двери задержалась и снова посмотрела на него. Она не могла назвать его просто союзником. И уже не пыталась. Эта мысль не испугала её так, как раньше. За дверью коридор был почти пуст. Корабль ещё спал, но уже начинал просыпаться в мелочах: где-то скрипнула доска, наверху окликнули вахтенного, вдали глухо хлопнул парус. В узком проходе пахло влажной верёвкой и ночным воздухом. Аронелла вышла на палубу. Небо только светлело. Море было серым, гладким и бесконечным. На востоке тонкая

полоска света лежала над водой, но солнце ещё не поднялось. Матросы меняли вахту. Один, зевая, тянул канат. Другой, кутаясь в куртку, нёс ведро с водой. У мачты двое тихо спорили о чём-то бытовом — судя по интонации, о каше, холоде или человеке, который снова не убрал за собой кружку. Жизнь. Упрямая, маленькая, не знающая, насколько легко её можно сломать. Аронелла смотрела на них и думала, что эти люди даже не знают, куда плывут. Официально — экспедиция по следам Малвериса. По приказу короля Аларика. К неизвестным землям, которые могли объяснить исчезновение беглого архимагистра. Они знали это. Знали про риск. Про туманы. Про то, что карты дальше становятся пустыми. Но не знали главного. Не знали, что где-то за морем может существовать земля, на которой всё ещё живёт её народ. Вампиры. Слово отозвалось внутри не гордостью. Болью. Слишком долго она думала о них как о потерянных. О выжженных. Об обращённых в пепел вместе с Чёрным Шпилем, домами, языком, песнями, кровью, которая когда-то звучала вокруг неё тысячами голосов. Теперь появлялась возможность, что всё было сложнее. Не милосерднее. Именно сложнее. Иногда надежда была страшнее потери. За спиной слышались шаги. Каэль вышел на палубу, уже одетый, с мечом за спиной и тем видом, будто утро не имело права застать его неподготовленным.

— Ты ушла тихо, — сказал он.

— Ты всё равно слышал.

— С тобой я внимателен как никогда не был.

Он подошёл и встал рядом. Некоторое время они молчали, глядя на воду. Молчание рядом с Каэлем не требовало защиты. Это Аронелле нравилось больше, чем она готова была признать.

— Лира опять не спала? — спросил он.

Аронелла перевела взгляд на дверь, ведущую вниз.

— Скорее спала не там, где хотела бы.

Каэль нахмурился.

— Кошмары?

— Да.

— Всё ещё о матери?

— Не только.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Ты что-то чувствуешь?

Аронелла не ответила сразу.

Она пыталась подобрать человеческое слово для того, что ощущала рядом с Лирой последние недели. Это был не запах. Не энергия в привычном смысле. Не след существа. Что-то тоньше. Сон Лир был не просто раной. К нему кто-то прикасался.

— Её страх не один, — сказала она наконец.

Каэль чуть напрягся.

— Малверис?

— Возможно.

Она посмотрела на море.

— Или кто-то, кто умеет влиять на состояние.

Мужчина сжал челюсть. Он не задавал лишних вопросов. В этом тоже была его сила: он знал, что иногда ответ ещё не созрел, и если сорвать его рано, он станет только бесполезной догадкой.

— Ей всего девятнадцать, — сказал он после паузы.

Аронелла едва заметно повернулась к нему.

— Уже нет.

— Что?

— Я видела дату на её листе. Третий день Зеленара.

Каэль замолчал.

— Сегодня ей двадцать?

— Да.

Он опустил взгляд к палубе.

— И что думаешь?

— Думаю, она не знает, что с этим делать.

Каэль тяжело выдохнул.

— За двадцать лет у неё забрали отца, мать, веру в Орден и почти весь прежний мир. Странно было бы, если бы она решила испечь пирог и радоваться.

Аронелла посмотрела на него. В его голосе не было насмешки. Только усталая прямота.

— Люди часто удивляют меня тем, сколько боли способны вместить в такую короткую жизнь.

— Жизнь такая, — сказал Каэль. — Всё, что мы любим сильнее всего, чаще всего либо уходит, либо у нас это отнимают.

Аронелла вдруг улыбнулась. Каэль заметил.

— Что?

— Ничего.

— Это была улыбка ничего или улыбка ведьмак опять сказал что-то мрачное и думает, что это мудрость?

— Второе ближе.

Он хмыкнул.

— Значит, я становлюсь предсказуемым.

— Нет.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Просто ты не такой холодный, каким пытаешься казаться.

Каэль чуть прищурился.

— Опасное обвинение.

— Ты переживёшь.

— Уверена?

— Я видела, как ты пережил вещи хуже.

Его взгляд смягчился. Для Каэля это было почти признанием. Он отвёл глаза к горизонту.

— Ты уверена, что они остались теми, кого ты помнишь?

Вопрос был задан без давления. И всё же он прошёл глубоко. Аронелла тоже посмотрела на море. За всё время пути эта мысль возвращалась к ней чаще, чем она хотела бы. Что если большая часть вампиров выжила? Что если они изменились? Что если сохранили язык, но потеряли смысл? Что если нашли способ жить без неё и теперь её возвращение не спасение, а рана?

— Я уже ни в чём не уверена, — сказала она.

Пауза.

— Но если мой народ жив, я должна увидеть, кем он стал.

— Даже если тебе не понравится ответ?

— Особенно тогда.

Каэль кивнул. Без клятв. Без красивых слов.

— Я с тобой.

Она посмотрела на него.

— Ты часто говоришь это так, будто всё решил.

— Я уже решил.

Ответ был честным. Каэль повернулся к ней.

— Но я не тот ведьмак, которым был. Тяжело остаться прежним, когда встретил женщину, из-за которой весь твой мир начал спорить сам с собой.

Аронелла медленно подняла бровь.

— Это признание?

— Это жалоба.

— На меня?

— На последствия.

Она рассмеялась тихо. Очень коротко. Каэль улыбнулся в ответ. И на мгновение его лицо стало другим — не мягким, нет, он всё ещё был Каэлем Варионом, человеком, которому проще пережить удар меча, чем собственную нежность. Но в его взгляде появилось то самое тепло, которое она уже начала узнавать. Снизу раздался звук двери. Лира вышла на палубу. Бледная. Собранная. С тёмными кругами под глазами и дневником Малвериса под мышкой.

— Я готова, — сказала она.

Каэль посмотрел на неё.

— Сначала тренировка.

Лира моргнула.

— Я думала, мы начнём с языка.

— Язык будет после того, как ты вспомнишь, что у тебя есть тело.

— У моего тела есть возражения.

— Оно переживёт.

— Ты говоришь это постоянно.

— Потому что обычно я прав.

Лира посмотрела на Аронеллу, будто ожидая поддержки. Вампирша мягко развела руками.

— В этом вопросе он, к сожалению, прав.

— Предательство, — сухо сказала Лира.

— Дыхание, равновесие, движение, — перечислил Каэль. — Потом обида.

Лира закатила глаза, но дневник всё же положила на ближайший ящик. Через несколько минут она уже стояла посреди палубы, босиком, в простой рубашке и тёмных брюках, пытаясь удержать равновесие, пока корабль мягко поднимался и опускался на волне. Каэль не учил её сражаться. Лира была лёгкой, слишком неподготовленной, привыкшей к столам, книгам и лабораторным линиям, чтобы за два месяца стать бойцом. Но Каэль и не пытался сделать из неё ведьмачку. Он учил её не застывать. Не закрывать глаза. Не отдавать страху первое движение.

— Смотри не на мои руки, — сказал он, медленно приближаясь. — На плечи.

Лира нахмурилась. Ведьмак сделал короткий выпад. Девушка дёрнулась слишком резко и почти потеряла равновесие. Каэль поймал её за локоть до того, как она упала.

— Снова.

— Я не уверена, что слово снова имеет тот положительный смысл, который ты в него вкладываешь.

— Снова.

Аронелла наблюдала с расстояния. Рядом с ней несколько матросов делали вид, что не смотрят. Получалось плохо. Лира повторила движение. Не хорошо, но лучше.

Каэль кивнул.

— Видишь? Ты жива.

— Восхитительный уровень похвалы.

— Я экономлю.

— На словах?

— На всём.

Аронелла снова улыбнулась. Ещё недавно она проснулась в руинах, окружённая мёртвым камнем, чужой историей и миром, который забыл её имя. Теперь она стояла на палубе корабля и смотрела, как ведьмак учит дочь алхимика правильно переносить вес с пятки на носок. В этом было что-то загадочное и невозможное. И потому — живое. После тренировки Лира выглядела ещё более уставшей, но глаза её стали яснее. Каэль был прав. Тело возвращало её туда, где кошмар не имел полной власти. Они спустились обратно в каюту.

Люциан появился позже. Как всегда — так, будто не входил, а возник из паузы между двумя разговорами. На корабле он почти не показывался экипажу. Моряки знали, что есть ещё один спутник, но не задавали лишних вопросов. Или делали вид, что не задают. Люди в море суеверны. Иногда незнание кажется им лучшей защитой.

Люциан сел у стены, вытянув длинные ноги, и посмотрел на Лиру.

— Ты выглядишь как человек, которого недавно победила палуба.

— Я не проиграла палубе, — ответила она.

Каэль снял перчатки.

— Спорное утверждение.

Лира бросила на него взгляд.

— Я всё ещё могу пожалеть, что не осталась в каюте.

— Нет, не можешь, — сказал Люциан. — Ты слишком разумна, чтобы выбрать покой, когда можно выбрать упрямство.

— Это был комплимент?

— А ты как считаешь?.

Аронелла положила на стол чистый лист.

— Начнём.

Лира сразу выпрямилась. Усталость отступила не полностью, но сменила форму. Перед знаниями она становилась собранной. Это Аронелле нравилось. В девушке было что-то от отца — точность, тяга к структуре, привычка искать причинность даже там, где другие видели только ужас. Но было и что-то другое. Более тёплое. Способность чувствовать.

Аронелла произнесла первое слово медленно:

— **Sael.**

Лира повторила. Резко.

Аронелла покачала головой.

— Нет. Ты произносишь звук, но не удерживаешь состояние.

Лира раздражённо выдохнула.

— Состояние чего?

— Связи.

— Это очень расплывчато.

— Для человеческого языка — да.

Люциан усмехнулся.

— Вот теперь она начинает понимать нашу главную проблему с переводами.

Аронелла посмотрела на него, но без строгости.

— **Sael** — не просто чувство. Не просто связь. Это момент, когда одно существо оставляет след памяти в другом.

Лира записала. Каэль стоял рядом, прислонившись к стене, и слушал с видом человека, который случайно оказался свидетелем урока, но внимательно следил, чтобы это было случайностью. Аронелла заметила.

— Повтори.

Он поднял глаза.

— Я?

— Да.

Каэль после короткой паузы произнёс:

— Sael.

Грубее, ниже, с человеческой жёсткостью. Но в нём было намерение. Аронелла замолчала. Лира тоже посмотрела на него.

— Что? — спросил он.

— Ничего, — сказала Аронелла.

Люциан улыбнулся.

— Когда древняя королева говорит ничего, обычно это значит, что ты только что сделал что-то либо очень умное, либо очень опасное.

— Обнадёживает, — сказал Каэль.

— Я старался.

Аронелла снова повернулась к Лире.

— Высокий язык не действует сам по себе. Слово, ударение, намерение и состояние должны совпасть. Иначе ты получишь не смысл, а обломок смысла.

— Как алхимическая формула с ошибкой.

— Хуже.

Лира подняла глаза.

— Почему?

— Формула с ошибкой ломает результат. Слово с ошибкой может сломать того, кто его произнёс.

В каюте стало тише. Девушка медленно кивнула. Она уже не выглядела раздражённой. Так они занимались почти час. Аронелла давала слова — не много, только несколько. **Sael. Lir. Ara. Vael.** Лира записывала, задавала вопросы, пыталась повторять, ошибалась, начинала снова. Каэль слушал. Люциан иногда вставлял пояснения, которые были то полезными, то намеренно слишком красивыми. В какой-то момент Лира открыла дневник Малвериса.

— Он использовал не только алхимическую речь, — сказала она.

Вампириша посмотрела на страницу.

— Нет.

На полях были знаки. Некоторые походили на старые формы, но искажённые, срезанные, приспособленные под другую систему.

— Он нашёл то, что было создано до него, — произнесла Аронелла тихо. — И решил, что понимание даёт право владеть.

Лира сжала пальцы на краю стола.

— Он всегда так делает.

Голос стал резче.

— С людьми. С кровью. С записями моего отца. С моей матерью. Со всем.

Она замолчала, понимая, что сказала больше, чем собиралась. Никто не перебил, давая место чувствам девушки. Лира посмотрела на дневник.

— Он забрал у меня всё и всё равно оставил после себя вопросы.

Аронелла медленно закрыла книгу ладонью. Бережно. Только чтобы Лира подняла взгляд.

— Тогда найди ответы раньше, чем они станут оружием против тебя.

Лира смотрела на неё долго. Потом кивнула.

— Я найду.

И в этих двух словах уже было больше взрослости, чем должно было быть в человеке, которому только сегодня исполнилось двадцать. Каэль заметил её взгляд на дате в углу листа.

— Лира.

Она напряглась.

— Что?

— Сегодня третий Зеленара.

Люциан посмотрел на него, потом на неё.

— И?

Ли́ра закрыла глаза. На мгновение она выглядела так, будто хотела сделать вид, что не поняла. Потом выдохнула.

— Мне сегодня двадцать.

В каюте стало тихо. Люциан первым нарушил молчание.

— Двадцать лет. Возраст, когда человек уже достаточно взрослый, чтобы страдать осмысленно, но ещё достаточно молод, чтобы считать, что однажды всё поймёт.

Ли́ра посмотрела на него.

— Ужасный тост.

— Зато искренний.

Каэль скрестил руки.

— Ты забыла?

Ли́ра пожала плечом.

— Было чем заняться.

Она попыталась сказать это легко. Не вышло. Аронелла смотрела на неё мягче, чем обычно.

— В таком случае вечером мы напомним тебе.

— Не нужно.

— Нужно, — сказал Каэль.

Ли́ра подняла бровь.

— Это приказ?

— Тренировочная рекомендация.

— Ты всегда думаешь о тренировках?

— Я всегда наготове.

Люциан встал.

— Я поддерживаю ведьмака. Это редкое событие, поэтому предлагаю записать его в хроники.

— Только не в мои, — сказала Ли́ра.

Впервые за день она улыбнулась. Не широко. Не без боли. Но по-настоящему.

Вечером каюта стала ещё теснее. Снаружи ветер усилился, и корабль качало сильнее, чем утром. За стенами шумело море. По палубе ходили матросы, где-то наверху отдавали короткие команды. Но здесь, за закрытой дверью, на маленьком столе стояли четыре чашки, кусок корабельного хлеба, немного сушёных фруктов и свеча в железном держателе. Праздник выглядел бедно снаружи, но это не помешало насладиться простым вечером. Ли́ра сидела на краю стула, будто всё ещё не была уверена, что это действительно для неё. Каэль положил перед ней узкий кожаный ремешок с металлической застёжкой. Алхимичка посмотрела на него.

— Что это?

— Для дневника.

Ли́ра коснулась ремешка пальцами.

— Моего?

— Малвериса.

Она чуть нахмурилась.

— Это не мой дневник.

— Пока ты носишь его с собой чаще, чем оружие, он почти твой.

Ли́ра хотела возразить, но не нашла слов.

Каэль добавил:

— Чтобы твои ответы не выпадали на пол.

Она опустила взгляд.

— Спасибо.

Люциан взял чашку.

— Видите? Он старается быть грубым, чтобы не разрушить образ сурового ведьмака.

— Я могу перестать стараться, — сказал Каэль.

— Не надо. Образ держит комнату в равновесии.

Лире было приятно быть среди этих людей, если их так можно было назвать. Аронелла молча наблюдала за ними. Потом произнесла:

— У меня нет вещи, которую я могла бы подарить тебе.

Лири сразу подняла глаза.

— Не нужно.

— Я знаю.

Аронелла слегка склонила голову.

— Поэтому я дам тебе слово.

В комнате стало тише. Даже Люциан перестал улыбаться.

— **Lirsael**, — произнесла Аронелла.

Слово прозвучало мягко, но глубоко. В нём было что-то от дыхания и от следа, оставленного на воде.

Лири повторила шёпотом:

— Lirsael.

— В вашем языке это можно приблизительно перевести как слышащая душа, — сказала Аронелла. — Но перевод беднее.

— Что оно значит на самом деле?

Аронелла посмотрела на неё внимательно.

— Та, чья душа слышит больше, чем хочет. И однажды научится не бояться этого.

Лири долго молчала. Потом отвела взгляд.

— Мне приятно.

В словах было много вкладываемого значения.

Люциан, как собеседник с редким талантом спасать тяжёлые моменты от полного утопления, достал из кармана маленький мешочек.

— Раз уж мы почти начали говорить как люди, предлагаю немедленно испортить впечатление игрой.

Каэль посмотрел на мешочек.

— Рунный круг?

— Ты знаешь?

— Я скиталец. Конечно, знаю.

Лири нахмурилась.

— Что такое Рунный круг?

— Игра, в которой люди делают вид, что строят смысл, — сказал Люциан.

Каэль взял мешочек и высыпал на стол потёртые костяные фишки.

— И портят чужой.

На фишках были вырезаны знаки: Корона. Кровь. Пепел. Ветер. Камень. Пустота. Путь.

Аронелла медленно наклонилась ближе. Её лицо почти не изменилось, но взгляд стал другим. Она узнала их. Не эти фишки. Не эту грубую человеческую резьбу. Корни. Круг. Порядок знаков.

— Правила простые, — сказал Каэль. — Тянешь три фишки. Кладёшь в круг открыто или в тень. Когда круг заполнен, смотрим узор.

— В тень? — спросила Лири.

— Лицом вниз, — пояснил Люциан. — Чтобы остальные могли подозревать тебя во всём плохом заранее.

— То есть игра на обман.

— На чтение намерений, — поправил Каэль.

— То есть на обман.

— Каждый это называет как хочет.

Первый раунд Лира пыталась понять систему. Это было заметно сразу. Она смотрела на фишки так, будто перед ней была формула, а не игра. Переставляла их мысленно, отслеживала возможные комбинации, морщила лоб, когда Люциан слишком спокойно клал фишку в тень.

— Не размышляй много, — сказал Каэль.

— Это редко бывает недостатком.

— В этой игре — бывает.

Лира выложила Камень. Потом Кровь. Ей нужна была Корона. Дом.

Аронелла заметила это раньше остальных. Конечно. Лира пыталась собрать Дом. Основание. Род. Право. То, что у неё отняли. Каэль тоже понял. И положил в тень Пустоту. Когда круг открылся, её узор рухнул. Лира несколько секунд смотрела на фишки. Потом подняла глаза на Каэля.

— Ты специально.

— Разумеется.

— Это нечестно.

— Это игра.

Люциан вздохнул с видом вампира, наблюдающего за вечной человеческой трагедией.

— В большинстве игр это одно и то же. Просто произносится в разном порядке.

Лира скрестила руки.

— Мне уже не нравится.

— Значит, ты поняла правила, — сказал Каэль.

Во втором раунде Каэль играл увереннее. Он почти не смотрел на фишки. Смотрел на руки. На паузы. На то, как Лира слишком быстро отвела взгляд от Пепла. На то, как Люциан небрежно коснулся фишки Пути и оставил её лежать. И всё равно проиграл Люциану. Тот собрал Путь.

Ветер. Путь. Камень.

Без явного усилия. Так, будто фишки сами решили лечь правильно, чтобы не расстраивать его вкус. Каэль посмотрел на него.

— Ты чересчур уверенно играешь для того, кто якобы только помнит правила.

— Я не сказал, что просто помню правила.

— Тогда что?

Люциан взял чашку.

— Я не впервые вижу людей, которые думают, что правила важнее узора.

Лира раздражённо выдохнула.

— Эта игра невозможна.

— Нет, — сказал Каэль. — Просто она похожа на жизнь.

— Вот именно поэтому она мне не нравится.

Аронелла молча взяла фишку Пустоты. Все посмотрели на неё. Она провела пальцем по грубому вырезанному знаку.

— Раньше это не означало обман.

Лира сразу забыла о раздражении.

— А что означало?

Аронелла долго смотрела на фишку. Перед ней на миг возник не стол в каюте, а другой круг. Каменный. Широкий. Под открытым ночным небом. Голоса древних вампиров. Путь перед границей. Клятва, после которой никто не возвращался прежним.

— Цену перехода, — сказала она.

В каюте стало тихо.

— Путь не бывает пустым. Он просто забирает то, что ты не можешь взять с собой.

Лира опустила взгляд на фишки. Её лицо изменилось. Отец. Мать. Дом. Прежняя жизнь. Всё, что нельзя было взять с собой за край карты. Каэль осторожно сдвинул мешочек в сторону.

— Тогда хватит Рунного круга.

— Сдаёшься? — спросил Люциан.

— Меня беспокоит, что ты такой довольный.

— Это естественное состояние моей души.

— Сомневаюсь.

Каэль достал из сундука несколько коротких верёвок.

Лира посмотрела на них.

— Что это?

— Семь Узлов.

— Ещё одна игра, где нужно угадывать чужие намерения?

— Нет. Здесь надо смотреть, запоминать и повторять.

Лира выпрямилась.

— Наконец-то цивилизованная форма развлечения.

Люциан наклонился к Аронелле и тихо сказал:

— Сейчас она станет страшнее.

— Я слышу, — сказала Лира.

— Вот видишь, уже страшнее.

Каэль показал первую последовательность. Петля. Скользящий. Якорный. Лира повторила почти сразу. Без ошибки. Каэль усложнил. Четыре узла. Потом пять. Лира всё ещё держалась. Теперь в её лице появилась та самая сосредоточенность, которую Аронелла видела за уроками языка: живая, острая, почти светлая. Лира больше не была только девушкой, пережившей смерть. Не только дочерью убитых. Не только носителем чужих записей. Она была собой. Упрямой. Умной. Злящейся. Живой. В последнем раунде Каэль показал последовательность быстро, нарочно с меньшей паузой между движениями. Лира повторила. И закончила первой. Она подняла верёвку.

— Готово.

Каэль проверил. Потом кивнул.

— Правильно.

Лира посмотрела на Люциана.

— Ну?

— Что ну?

— Ты ведь сейчас должен сказать что-нибудь раздражающее.

Люциан сложил руки.

— Разумеется. Теперь ты снова опасна.

— Я была опасна и до этого.

— Да. Но теперь ещё и довольна собой. Это хуже.

Лира рассмеялась. Аронелла запомнила этот момент. Иногда именно такие мелочи стоили больше победы в битве. Позже свеча стала ниже. Чашки опустели. Верёвки убрали. Фишки снова вернулись в мешочек, кроме одной.

Путь.

Она осталась на столе рядом с дневником Малвериса. Лира заметила это уже тогда, когда все начали расходиться.

— Чья?

Люциан пожал плечом.

— Возможно, игра решила остаться.

Каэль взял плащ.

— Или кто-то не умеет убирать за собой.

— Ваша версия, как всегда, лишена поэзии, — сказал Люциан.

— Зато близка к реальности.

Аронелла посмотрела на фишку Пути. Ничего не сказала. Ночь углубилась. Люциан ушёл первым, растворившись в коридоре. Каэль задержался у двери, посмотрел на Лиру.

— Спи.

— Снова приказ или рекомендация?

— Подарок, который есть не у каждого.

— Ужасный.

— Зато практичный.

Он вышел. Аронелла осталась на мгновение. Лира сидела у стола, касаясь ремешка для дневника.

— Спасибо ещё раз, — сказала алхимичка.

— За слово?

— За вечер.

Аронелла кивнула.

— Тебе исполнилось двадцать. Это нужно было отметить.

Лира слабо улыбнулась.

— Я почти забыла, что такие вещи вообще бывают.

— Значит, хорошо, что рядом оказались те, кто напомнил.

Лира не ответила. Аронелла уже собиралась выйти, когда взгляд девушки снова упал на дневник. Страница была раскрыта. Фишка Пути лежала рядом. Лира нахмурилась.

— Подожди.

Аронелла остановилась. Лира придвинула свечу ближе. На странице, под её дневной записью, проступила строка. Не новая. Нет. Чернила были старые. Просто раньше их будто скрывал слой желтизны, тени или её собственного невнимания. Лира медленно прочитала:

— Покров откликается не на корабль

Она замолчала. Аронелла подошла ближе. Лира продолжила тише:

— Он откликается на кровь.

Море за стеной ударило в борт. Аронелла подняла голову. Внутри неё что-то дрогнуло. Слабо. Как далёкий удар сердца под толщей льда. Она не услышала голос. Не почувствовала зов. Не увидела берег. Но где-то далеко, за пределами карт, за туманами, за тем, что люди называли концом известных путей, что-то ответило ей Кровью.

ГЛАВА 2

СОН БЕЗ ТЕЛА

Ли́ра снова сидела за столом. Свеча перед ней горела слишком ровно. Пламя не дрожало от качки, не вытягивалось от сквозняка, не оседало вниз, когда корабль уходил в волну. Оно стояло неподвижно, тонкое и бледное, будто кто-то нарисовал его в воздухе и забыл вдохнуть в него жизнь. Перед ней лежал дневник Малвериса. Тёмная кожа. Металлические уголки. Следы соли по краям. Новый ремешок, подаренный Каэлем, был застёгнут вокруг обложки так плотно, словно мог удержать внутри не страницы, а всё зло, которое уже успело из них выйти. Рядом лежала фишка Пути. Ли́ра смотрела на неё и пыталась вспомнить, когда села за стол. Она помнила вечер. Каюту. Четыре чашки. Потёртые костяные фишки Рунного круга. Верёвки от Семи Узлов. Люциана, который выигрывал так спокойно, будто даже судьба была для него лишь игрой с удачным узором. Каэля, который подарил ей ремешок и сделал вид, что это не забота. Аронеллу, произнёсшую слово *Lirsael* так, будто дала ей не поздравление, а признание. Она помнила, что смеялась. Коротко. Неуверенно. Но смеялась. Потом она легла. Закрыла глаза. И впервые за долгое время не стала ждать кошмара заранее. Значит, сейчас она спала. Ли́ра медленно подняла руку и посмотрела на пальцы. Они были обычными. Почти. Края кожи будто чуть светились изнутри. Не ярко. Едва заметно. Мягким серебристо-зелёным оттенком, который проступал только там, где пламя свечи не должно было ничего освещать. Она сжала ладонь.

Ощущение было неправильным. Не боль. Не онемение. Скорее отсутствие веса. Каюта вокруг была её каютой — и не была ею. Тот же низкий потолок. Тот же стол, прикрученный к полу. Тот же сундук у стены. Тот же плащ, свёрнутый на спинке стула. То же перо рядом с чернильницей.

Но всё выглядело глубже, чем должно. Дерево стен не было просто деревом. В нём медленно двигалось слабое янтарное свечение, будто каждая доска помнила лес, руки плотников, соль, штормы, чужие ладони, страх моряков и долгую дорогу по воде. Тени в углах не лежали. Они ждали.

Ли́ра сглотнула.

— Это сон, — сказала она.

Голос не отразился от стен. Он словно прошёл через каюту и вернулся к ней изнутри. Дневник Малвериса сам открылся. Ли́ра застыла. Страницы начали переворачиваться без ветра. Медленно. Одна за другой. Чернила на них двигались, вытягивались в линии, распались, снова собирались. Человеческие буквы исчезали, уступая место знакам, которые она уже видела на уроках Аронеллы. *Sael*. След. Связь. То, что одно существо оставляет в другом. Строка дрогнула. Под ней проступило новое слово. Ага. Кровь. Не просто жидкость в теле. Память рода. Цена жизни. То, что помнит раньше разума. Ещё одно. *Vael*. Вечность. Не бесконечное время, а то, что не исчезает, даже когда форма сгорает. И последнее. *Lir*. Душа.

Девушка уже знала: у этих слов не было точных человеческих переводов. Каждое оставляло за собой край смысла, который невозможно было уместить в обычную фразу. Она наклонилась ближе. Слова начали звучать. Не в комнате. Не в ушах. Внутри неё. *Sael*. *Ara*. *Vael*. *Lir*.

Ли́ра попыталась отстраниться, но тело не послушалось. Нет. Не тело. То, что сейчас было ею.

Слова повторились.

Sael. *Ara*. *Vael*. *Lir*.

И каюта вдруг стала дальше. Стол будто отъехал от неё на несколько шагов, хотя не сдвинулся. Свеча вытянулась вверх тонкой нитью света. Пол под ногами стал прозрачным на одно мгновение. Лира увидела внизу себя. На койке. Неподвижную. Спящую. Бледное лицо. Тёмно-каштановые волосы рассыпались по подушке. Руки лежали поверх одеяла. Рядом на табурете был тот же дневник Малвериса, застёгнутый ремешком Каэля. Лира не дышала. Та, что лежала на койке, дышала. Медленно. Живо. Значит, она не умерла. Эта мысль пришла первой. И только потом вторая. Она вышла из тела. Страх ударил так резко, что каюта вокруг дрогнула. Стены поплыли. Стол исказился. Свеча раздробилась на несколько тонких огней. Внизу тело Леры резко вдохнуло, будто тоже почувствовало опасность. Она вспомнила слово. Sael. Каюта чуть собралась обратно. Лира вцепилась в него мыслью. Sael. Слово стало якорем. Состоянием.

Она не произносила его губами. Губ здесь почти не было. Она удерживала его внутри, как держат руку на краю обрыва. Если отпустить — сорвёшься. Если сжать слишком сильно — пальцы сломаются. Лира медленно повернулась к двери. Сновиденное тело двигалось не так, как обычное. Ей не нужно было идти полностью. Стоило захотеть — и пространство само начинало слегка смещаться. Но если желание становилось слишком резким, мир перед ней расплывался. Она заставила себя двигаться медленно. Дверь была закрыта. Лира протянула руку. Пальцы прошли сквозь дерево. Девушка отдёргнула ладонь, испуганно глядя на неё.

Потом снова вспомнила: это не физический мир. Она шагнула вперёд. Дверь прошла сквозь неё холодной волной. Коридор корабля был длиннее, чем в реальности. Намного длиннее. Доски пола тянулись вперёд, будто палуба решила стать дорогой. Стены дышали. Не как живое существо — как память о движении. В щелях между досками мерцали тонкие бледные линии, похожие на жилы в древесине. За дверями кают спали люди. Лира не видела их тел полностью, но чувствовала их присутствие: тёплые тусклые огни, каждый со своим ритмом. У одного — тревожный, рваный. У другого — спокойный и тяжёлый. У третьего — почти погасший от усталости. Она прошла дальше. Звуки не приходили через уши. Они касались кожи. Скрип мачт тянулся тонкой нитью вдоль позвоночника. Вода за бортом стучала в грудь. Ветер наверху шелестел где-то под рёбрами. Лира вышла на палубу. И остановилась. Сновиденное море было не чёрным. Оно было слишком глубоким, чтобы иметь цвет. Вода не отражала звёзды. Вместо этого под её поверхностью двигались тёмные потоки, бледные линии, разорванные дорожки света — следы течений, которых не было на картах. Корабль шёл по ним, сам не зная, что пересекает невидимые шрамы мира. Мачты поднимались в небо выше, чем должны были.

Паруса казались не тканью, а серыми крыльями, поймавшими ветер из другого слоя. На палубе спала часть команды. Кто-то прямо у борта, завернувшись в плащ. Кто-то сидя, прислонившись к бочке. Их тела в физическом мире отдыхали, но в этом слое вокруг каждого теплилась мягкая дымка. Лира смотрела и понимала: она видит не просто людей, а их след. Усталость. Страх. Упрямое желание проснуться утром. Потом она посмотрела на запад. И увидела красное. Сначала это было пятно на краю мира. Слабое. Почти незаметное. Лира решила, что это заря, хотя знала: заря должна быть с другой стороны. Потом пятно дрогнуло. Не как свет. Как кровь в воде. Оно пульсировало. Раз. Пауза. Раз. Каждый удар проходил по морю невидимой волной. Не физической. Смысловой. Лира не знала, откуда это слово пришло, но оно было точным. Там, впереди, была не земля. Там был отпечаток. Слой чего-то огромного, скрытого и живого. Покров. Лира почувствовала, как её тянет намерение. Она сделала шаг — и палуба ушла вниз. Воздух раскрылся под ногами. Девушка не взлетела, скорее перестала быть привязанной к месту, где стояла. Корабль остался позади, маленький и тёмный, с тусклыми огнями спящих людей. Море развернулось под ней бесконечной глубиной. Красное пятно впереди стало шире.

Ли́ра повторяла слова, чтобы не распасться: Sael. Ara. Vael. Lir. Сначала они держали её. Но чем ближе она была к красному пятну, тем сильнее слова сопротивлялись. Они больше не ложились в правильный порядок.

Sael становилось чужим.

Ara звучало слишком громко.

Vael тянуло вниз, будто пыталось напомнить ей о времени, которое не принадлежало человеку.

Красный туман впереди стал стеной. Не ровной. Живой. Он двигался, как ткань, погружённая в воду. Внутри него вспыхивали тёмные прожилки, похожие на руны, но Ли́ра не могла удержать взгляд ни на одной. Каждая менялась раньше, чем становилась понятной. Она приблизилась ещё. И тогда туман открыл глаз. Ли́ра сама не поняла, почему мысль была именно такой. В красной глубине что-то повернулось к ней. Не целиком. Как если бы огромное существо, спящее за стеной, вдруг услышало шаг у двери. Рёв прошёл через сновиденный мир. Он не был похож на звериный. Он был ниже. Старше. Словно рычала не пасть, а сама граница, которую потревожили. Ли́ра хотела закрыть уши, но не смогла. Звук возник внутри её формы, прошёл через неё, потянул за нити, связывающие её с телом. Слова рассыпались.

Sael—

Ara—

Lir—

Она забыла порядок. Сновиденное тело начало рваться краями. Пальцы стали прозрачнее. В груди появился холодный разрыв. Что-то внутри красного тумана двинулось ближе. Ли́ра поняла: если оно увидит её полностью, она не успеет проснуться. Она попыталась открыть глаза. Но у сновиденного тела уже были открыты глаза. Она попыталась вдохнуть. Но здесь дыхание не возвращало к телу. Тогда Ли́ра вспомнила своё имя. Не как звук. Как форму. Ли́ра. Дочь Кассиана Эверена. Дочь Эвелинны Эверен. Ученица, которая больше не принадлежала Башне.

Человек, который ещё не умер. Ли́ра. Имя стало тяжелее всего сна. И мир оборвался. Она проснулась на вдохе. Тело выгнулось на койке, пальцы вцепились в одеяло. Сердце билось так сильно, что боль отдавалась в горле. Некоторое время она не могла понять, где находится.

Каюта. Корабль. Утро. В узкую щель под дверью тянулась светлая полоска. Море шумело снаружи уже обычным звуком — грубым, физическим, почти успокаивающим. Ли́ра села. Волосы прилипли к вискам. Рубашка была влажной от пота. На ладони остались следы ногтей. Она посмотрела на дневник Малвериса. Он был закрыт. Ремешок застёгнут. Фишка Пути лежала рядом. На языке всё ещё держался вкус слова. Sael. Ли́ра вскочила. Её качнуло, но она удержалась, схватила дневник и выбежала из каюты.

АРОНЕЛЛА.

Аронелла стояла у небольшого стола в их каюте и смотрела на карту. Карта была человеческой.

Грубая кожа, чернила, береговые линии, порты, торговые пути, пометки капитана. Всё в ней было полезным, точным и совершенно недостаточным. Линии заканчивались там, где начинался страх. Каэль стоял у стены, скрестив руки на груди. Тёмные волосы с проседью были собраны назад, стальные глаза спокойно следили то за картой, то за Аронеллой, то за дверью. Даже здесь, среди дерева и тесноты, он выглядел так, будто любое помещение сначала оценивал как место для боя, и только потом — как место для разговора. Люциан сидел у стола, вытянув длинные ноги. Высокий, спокойный, с тёмно-каштановыми волосами и внимательным

взглядом карих глаз, в которых при слабом свете иногда вспыхивал красный отблеск. Едва заметный шрам на верхней губе справа делал его лицо не менее совершенным, а более живым.

Он рассматривал край карты с тем видом, будто карта была не документом, а чужим письмом, написанным слишком уверенным человеком.

— Люди всегда трогательно заканчивают карты там, где заканчивается их храбрость, — сказал он.

Каэль посмотрел на него.

— Или там, где корабли перестают возвращаться.

— Это менее поэтично.

— Зато реалистичнее.

Люциан слегка улыбнулся.

— Вот поэтому я никогда не просил ведьмаков писать песни или стихи.

Аронелла не улыбнулась. Она смотрела на западный край карты. Там море становилось пустым. Несколько волнистых линий. Надпись, сделанная другой рукой: мёртвые воды. Ещё дальше — ничего. Пустота на карте всегда означала одно из двух: либо люди там не были, либо те, кто был, не вернулись, чтобы рассказать. Каэль молчал дольше обычного. Потом сказал:

— Мир странно выбирает время, чтобы развалиться.

Люциан поднял на него глаза.

— Развалиться?

— Сначала выясняется, что алхимики создавали тварей, которых сами же потом называли угрозой. Потом — что история войны переписана под победителей. Теперь мы идём искать материк, которого нет на картах, потому что, возможно, там живут вампиры, которые в большинстве своём исчезли в 585 году Эры Возрождения. Он посмотрел на пустой край карты.

— Такое чувство, будто правда решила всплыть сразу вся. Очень неаккуратно с её стороны.

Люциан усмехнулся тише, чем обычно.

— Тебе не нравится, что всё перестало сходиться.

— Мне не нравится, когда всё начинает сходиться слишком поздно.

— Ты ещё мало прожил.

Каэль медленно повернул голову.

— Что ты этим хочешь сказать?

Люциан спокойно выдержал его взгляд.

— Сто сорок восемь лет — возраст достойный, но не трагический. За восемьсот семьдесят два года я видел, как мир несколько раз доказывал: официальная история всегда короче правды. И удобнее. Именно поэтому её так любят короли, ордена и дети, которым страшно спать без сказки.

Каэль не отвёл взгляда.

— Я не ребёнок.

— Разумеется. Дети обычно лучше переносят воду.

Аронелла наконец посмотрела на них. Каэль замолчал. Люциан — нет.

— Я заметил, ведьмак. Ты смотришь на море так, будто оно лично задолжало тебе объяснение.

Каэль сухо ответил:

— На земле след остаётся следом. В лесу можно читать ветки, грязь, дыхание зверя. В городе — шаги, запахи, привычки людей. На море всё исчезает.

Он посмотрел в сторону борта.

— И под тобой всегда может быть что-то, чего ты не видишь.

Люциан кивнул.

— Значит, ты испытываешь не страх.

— Неприязнь.

— Очень ведьмачье различие.

— Так говоришь был знаком со многими ведьмаками.

— Мне достаточно одного тебя и твоей кислой мины.

Аронелла снова посмотрела на карту.

— Экипаж на пределе.

Каэль кивнул.

Это было правдой. Последние дни корабль стал тише. Моряки меньше смеялись, меньше спорили, реже задерживались у борта без дела. Даже ругательства звучали вполголоса. После Велариона люди слишком хорошо знали: чудовища больше не жили только в лесах и старых сказках. Они могли выйти из лаборатории. Из подвала. Из разорванной башни. И теперь каждый думал о том, что из воды в любую секунду может выйти нечто, чему нет названия.

— Если там живут вампиры, — сказал Каэль, — они примут тебя?

Вопрос прозвучал спокойно. Без грубости. Аронелла подняла глаза.

— Я не знаю.

— Ты же их создала ритуалом крови.

— Я создала первых.

Она снова посмотрела на карту.

— Это было до войны. До предательства. До семисот лет тишины. Народ может выжить и всё равно стать чужим.

Люциан опустил взгляд. На мгновение его ирония исчезла.

— Народ может забыть королеву, — сказал он тихо. — Но кровь не может до конца забыть источник.

Вампириша посмотрела на него. В его голосе была не лесть. Память. Люциан знал её до падения. Видел Чёрный Шпиль живым. Слышал язык, пока тот ещё не стал обломком в чужих ртах. Порой рядом с ним Аронелла чувствовала не утешение, а боль: он был доказательством, что прошлое действительно существовало.

— Кровь тоже можно заставить молчать, — сказала она.

Каэль чуть повернул голову.

— Ты боишься столкнуться с видоизменённым миром вампиров?

— Да.

Он кивнул. Без красивых слов. Без попытки сделать страх меньше. И этим снова оказался ближе, чем многие, кто когда-то клялся ей в вечной преданности. Люциан коснулся пальцем пустого края карты.

— Если Ваэль-Терон существует, там язык изменился. Не мог не измениться.

— Я знаю, — сказала Аронелла.

— Тебе нужно быть готовой встретиться с этим, тем более мы так и не знаем из каких именно домов там находятся вампиры.

Королева вампиров медленно вдохнула.

Каэль посмотрел на неё.

— Ты создала язык для власти?

Аронелла покачала головой.

— Нет.

Она провела ладонью над картой, словно видела под ней не линии, а другую эпоху.

— Я создала его потому, что человеческих слов тогда ещё не знала, а молчание стало слишком тесным. Мир говорил со мной через кровь, воду, ветер, смерть животных, рождение деревьев, движение звёзд. Но я не могла ответить ему. Не так, чтобы быть услышанной.

Люциан слушал молча. Каэль тоже.

— Vaelkarin не был оружием, — продолжила Аронелла. — Не был приказом. Он был попыткой приблизиться к звучанию Матери Жизни. К тому, что существует раньше обычной мысли. Кровь. Память. Время. Одиночество. Связь. Тогда другие существа не могли услышать голос Матери. Ни люди, ни последующие роды вампиров.

Люциан тихо добавил:

— А потом дома сделали с языком то, что живые всегда делают с чистыми вещами.

Каэль посмотрел на него.

— Испортили?

— Приспособили, — поправил Люциан. — Это иногда одно и то же, но не всегда. Появились диалекты. Клятвенные формы Таровен. Шёпотные ветви Ноктерис. Ритуальные связки Дракорин. Морват сделали язык короче, жёстче, удобнее для приказов.

В дверь постучали. Ровный стук матроса. Каэль открыл. На пороге стоял молодой моряк, мокрый от утреннего ветра.

— Капитан просит вас подняться, — сказал он. — Говорит, дальше надо решать курс.

Каэль посмотрел на Аронеллу. Она взяла карту. Люциан тоже поднялся. Аронелла остановила его взглядом.

— Ты остаёшься.

Люциан медленно опустил глаза на себя, затем снова посмотрел на неё.

— Я настолько пугаю людей?

Каэль сухо ответил:

— Ты хочешь честный ответ?

Люциан улыбнулся.

— Уже боюсь.

Аронелла сказала спокойно:

— Экипаж не знает, кто ты.

— Формально они не спрашивали.

— И пусть не спрашивают.

Люциан чуть склонил голову. В его глазах на миг вспыхнул красноватый отблеск. Почти незаметно. Но достаточно, чтобы любой внимательный человек понял: перед ним не обычный спутник экспедиции.

— Какая несправедливость, — сказал он. — Я столько веков учился производить хорошее впечатление.

Каэль открыл дверь шире.

— Начни с того, чтобы не попадаться людям на глаза.

— Ты суров.

— Наблюдателен.

— Ещё хуже.

Аронелла вышла первой. Каэль — за ней. Люциан остался в каюте, не став шутить вслед.

Капитан ждал у штурвала. Это был широкоплечий мужчина с обветренным лицом, руками, похожими на старые канаты, и взглядом человека, который привык спорить не с людьми, а с морем. Людей он, вероятно, считал более слабым противником. На карте перед ним были отмечены последние известные воды. Дальше начиналась пустота.

— Мы дошли до края нормального пути, — сказал капитан без приветствия. — Ещё несколько дней — и попадём в ледяные воды. Там туманы, мёртвое течение, глыбы размером с башни. Если ветер сменится, нас раздавит прежде, чем мы успеем развернуться.

Каэль молчал.

Аронелла смотрела на карту.

— Нам нужно идти дальше на запад.

Капитан коротко усмехнулся.

— Госпожа, там ничего нет.

— Вы были там?

— Туда не ходят.

— Значит, вы не знаете.

Он поднял на неё взгляд.

— Я знаю море и географию. Иногда этого достаточно.

Аронелла встретила его взгляд спокойно.

— Не всегда.

Капитан сжал челюсть.

— Я получил приказ короля довести экспедицию. Не утопить команду в водах, где даже птицы не летают.

— Король дал вам полномочия служить цели этой экспедиции.

— Целью было найти след Малвериса.

— Именно.

— Малверис не мог пройти сквозь лёд.

Каэль наконец заговорил:

— Малверис редко выбирал двери, которыми пользуются остальные.

Капитан посмотрел на него с недовольством.

— Ведьмак, вы правда считаете, что за ледяными глыбами есть земля?

Каэль взглянул на пустую часть карты.

— Я считаю, что если кто-то очень хотел скрыть путь, он бы сделал так, чтобы разумные люди называли его невозможным.

Капитан выругался вполголоса. За его спиной несколько моряков резко отвернулись, делая вид, что заняты канатами. Их плечи были напряжены. Руки двигались быстрее, чем нужно. Один из старших матросов всё время поглядывал на воду, будто ждал, что из глубины поднимется спина огромного существа. Страх уже ходил по палубе. Просто пока ещё не получил имени.

Аронелла свернула карту.

— Плывём дальше.

— Если команда взбунтуется?

— Она не взбунтуется.

Капитан прищурился.

— Вы в этом так уверены?

Аронелла посмотрела на моряков.

— Они хотят вернуться домой. А чтобы вернуться, сначала нужно достичь цели экспедиции.

Капитан уже открыл рот, чтобы ответить, но снизу раздались быстрые шаги. Лира появилась на палубе бледная, растрёпанная, с дневником Малвериса в руках. Каэль сразу повернулся к ней.

— Что случилось?

Лира не ответила ему сразу. Она смотрела на Аронеллу.

— Мне нужно поговорить с вами.

Она оглянулась на капитана и стоящих неподалёку моряков.

— Не здесь.

Аронелла внимательно посмотрела на неё. Лира была бледной. Волосы прилипли к вискам. Пальцы слишком крепко сжимали дневник. В глазах было не просто испуг. Там было открытие, которое ещё не успело стать словами.

— Идём, — сказала Аронелла.
Капитан шагнул вперёд.
— Что происходит?
Каэль коротко ответил:
— Узнаем и доложим.
И пошёл следом за ними вниз.

В каюте стало тесно. Лира сидела за столом, пальцы сжимали дневник так сильно, что костяшки побелели. Каэль стоял у стены, ближе к двери. Аронелла — напротив неё. Люциан поднялся, едва они вошли, но ничего не сказал.

— Рассказывай, — сказал Каэль.

Лира выдохнула.

— Я вышла из тела.

Короткая фраза легла на стол тяжелее дневника. Каэль ничего не сказал. Это было хуже, чем если бы он начал спорить. Аронелла замерла. Не потому что знала. Потому что поняла: Лира не могла бы придумать такое выражение лица ради обычного сна.

— Как? — спросила она.

— Я спала. Мне снился дневник. Он открылся сам, и там были слова. Sael. Ara. Vael. Lig. Я читала их, но они не просто читались. Они звучали внутри. Я удерживала их. Потом увидела себя со стороны.

Люциан тихо повторил:

— Удерживала.

Лира посмотрела на него.

— Да.

— Не произносила?

— Нет. Скорее держала, как ощущение.

Аронелла и Люциан переглянулись. Девушка продолжила:

— Потом я вышла из каюты. Корабль был таким же, но другим. Всё светилось. Дерево, канаты, люди. Я видела следы вокруг спящих. И море было не как море.

— Каким? — спросила Аронелла.

— Глубже. Словно под водой двигались линии. Потоки. Я не знаю.

Люциан медленно сел обратно.

— Не эфир, — сказал он.

Аронелла посмотрела на него.

— Нет.

Лира подняла глаза.

— Тогда что?

Аронелла не ответила сразу.

— Возможно, слой между сном и глубинной тканью мира, — сказала она наконец. — Я видела сны, которые были больше, чем сны. Особенно после пробуждения. Память возвращалась ко мне через них. Но я никогда не выходила из тела так, как ты описываешь.

Лира сжала дневник.

— Значит, это не вампирское умение?

— Нет, — сказала Аронелла. — Не в том виде, как ты это сделала.

Люциан добавил:

— У древних домов были ритуалы сна, памяти, крови. Были слова для образов, снов, следов. Но выйти из тела и перемещаться сознанием если кто-то и умел такое, это не было знанием двора.

— Малверис писал об этом, — сказала Лира.

Она раскрыла дневник, быстро пролистывая страницы.

— Не прямо. Обрывками. Он писал, что между физическим миром и эфиром может существовать промежуточная область восприятия. Если научиться удерживаться там, можно слышать то, что не слышит тело, и видеть то, что не видит глаз.

Каэль чуть нахмурился.

— И он умел туда входить?

Аронелла посмотрела на дневник.

— Возможно.

Лира подняла глаза.

— Как?

Аронелла помолчала.

— Малверис взламывал дверь, — сказала она. — Ты слышала, где она находится.

Эти слова почему-то действовали сильнее, чем все объяснения. Взломать дверь. Или услышать, где она. Малверис всегда шёл силой знания. Разобрать, разрезать, подчинить, измерить. Даже жизнь для него была формулой, которую можно заставить дать нужный результат. А она Она не заставила. Она услышала.

— Я видела Покров, — сказала Лира тише.

Аронелла стала неподвижной.

— Опиши.

— На западе. Красное пятно. Нет, не пятно. Туман. Как кровь в воде. Он пульсировал. Меня потянуло к нему, и я приблизилась.

Каэль резко поднял глаза.

— Ты приблизилась?

— Я не специально.

— Это не делает лучше, мы даже не имеем представления, что это такое.

Лира не стала спорить.

— Там что-то было.

Люциан уже не скрывал напряжения.

— Что именно?

— Я не знаю. Не существо. Или существо. Я видела только движение внутри тумана. Потом был рёв. Не звериный. Как будто сама граница рычала.

В каюте стало тихо. Море за стеной ударило в борт.

Аронелла медленно сказала:

— Если это промежуточный слой, он не обязан быть пустым. Страх, боль, жажда знания — всё это может сделать сознание заметным. Особенно такое сознание, как твоё.

Каэль посмотрел на Лиру.

— Значит, больше туда не идёшь.

— Иду.

— Нет.

Лира резко подняла голову.

— Я видела направление.

— И тебя заметили.

— Если мы не поймём, как пройти, мы упрёмся в лёд и потеряем недели. Или погибнем.

— Если ты потеряешь связь с телом или что-то произойдёт в том слое, то мы не сможем помочь.

— Спасибо за уточнение.

— Я не шучу.

— Я тоже.

Каэль смотрел на неё несколько секунд. Потом сказал тише:

— Ты хочешь сделать это сейчас не только потому, что это нужно.

Лира замерла.

— Что?

— Ты хочешь доказать, что не испугалась.

Она открыла рот. Не ответила. Потому что он попал. Гад. Точный, холодный, невозможный гад.

Лира отвела взгляд.

— Я испугалась, — сказала она. — Очень. Но это не отменяет того, что я видела.

Каэль ничего не сказал. Аронелла посмотрела на него.

— Она попробует.

— Опасно.

Одно слово. Сухое. Ведьмачье.

— Да, — сказала Аронелла. — Но мы будем рядом.

Люциан чуть склонил голову.

— Ей нужно расслабиться. Принести вина?

Лира посмотрела на него так, будто готова была бросить дневник прямо в лицо вампиру.

— Нет.

— Жаль. Иногда древние методы лучше новых.

Каэль даже не повернул головы.

— Люциан.

— Молчу.

Он помолчал ровно одно мгновение.

— Почти.

Аронелла села напротив Лира.

— Ты не должна искать Покров сразу. Сначала — выйти. Удержаться. Вернуться. Всё остальное потом.

Лира кивнула. Каэль отошёл от стены и присел рядом с ней на одно колено.

— Слушай.

Она посмотрела на него.

— В Ордене нас учили не усиливать слух после мутаций, — сказал он. — Нас учили не сходить с ума от того, что он уже слишком сильный. Сначала ты слышишь всё. Дыхание. Сердца. Шаги. Движение крови. Страх. Если пытаешься схватить всё сразу, теряешь себя.

Лира слушала внимательно.

— Что делали вы?

— Выбирали одно.

— Один звук?

— Один якорь. Дыхание наставника. Скрип дерева. Собственный пульс. Что угодно. Держишь его — остальное становится тише.

Он говорил спокойно, без лишней мягкости. Но именно в этом была забота.

— Не ищи весь сон, — сказал Каэль. — Найди одну точку. Держи её. Остальное само станет тише.

Лира кивнула.

Аронелла произнесла:

— Lir. Sael.

Два слова.

— Не повторяй вслух, — сказала она. — Пока держи только смысл.

Люциан добавил тише:

— И связь с телом. Без неё даже самые красивые открытия становятся посмертными.

— Утешительно, — сказала Лира.

— Я стараюсь дозировать.

Она села у стены, поджав ноги. Спина коснулась досок. Каэль остался рядом, достаточно близко, чтобы успеть удержать тело, но не касаясь её. Люциан встал у двери. Аронелла — напротив.

Лира закрыла глаза. Сначала ничего не произошло. Только корабль. Собственное дыхание. Она хотела потянуться к словам, но остановила себя. Не всё. Одно. Якорь. Она выбрала дыхание.

Вдох.

Пауза.

Выдох.

Вдох.

Выдох.

Потом — слово. *Lir*. Душа. Не мысль. Не образ. Точка. *Sael*.

Где-то рядом Каэль сказал:

— Не торопись.

Его голос был далёким. Но держал.

Лира не стала тянуться вверх. Не стала пытаться покинуть тело. Она просто позволила себе стать чуть шире, чем кожа. Мир дрогнул. Руки стали лёгкими. Грудь — пустой. Голова — тихой.

Lir sael.

Мир разомкнулся. Лира открыла глаза. Но не телесные. Она стояла посреди каюты. Перед ней, у стены, сидело её физическое тело: бледное, неподвижное, с закрытыми глазами. Каэль был рядом, напряжённый до предела. Его рука лежала на колене, но Лира видела — он готов схватить её за плечи в любую секунду. Аронелла сидела напротив. В физическом мире она ничего не видела. Это Лира поняла сразу. Аронелла смотрела только на её тело. На дыхание. На дрожь пальцев. На едва заметное движение век. Впервые за всё время рядом с ней Аронелла не казалась существом, которое знает больше всех. От этого происходящее стало ещё страшнее.

Люциан тоже смотрел на физическое тело Лир. Его лицо было спокойным, но без привычной лёгкости. Он не видел её. Не чувствовал напрямую. Не ловил взглядом. Только ждал.

А вот Лира видела всё. Доски стен переливались слабым янтарём. Места, которых чаще касались руки, были теплее. У стола свет сгущался там, где много ночей подряд лежал дневник Малвериса. Сам дневник казался тёмным пятном среди мягких линий корабля — не пустым, а слишком плотным, будто в нём было собрано много чужих намерений. Свеча на столе в физическом мире не горела, но в сновиденном слое от неё всё ещё оставался тонкий след тепла.

Люциан у двери был окружён приглушённой холодной дымкой. В ней едва мерцал кровавый оттенок — старый, глубокий, спрятанный под несколькими слоями тени. Его присутствие напоминало мелодию, которую давно не играли, но стены всё ещё помнили её.

Каэль выглядел иначе. Вокруг него не было мягкой человеческой дымки. Его свет был плотным, серым, собранным, почти металлическим. Как сталь, нагретая внутри, но не раскалённая до пламени. Даже его душа, если это была душа, стояла в боевой стойке.

Аронелла

Лира едва не отступила.

Вокруг Аронеллы не было обычного свечения. Внутри её груди горело кроваво-белое ядро.

Живое. Глубокое. Не похожее ни на свет свечи, ни на огонь, ни на человеческую душу. Оно дышало медленно, древне, будто в нём билось сердце мира, которое помнило время до первых городов, до первых войн, до первого слова смерть.

Лира поняла: это не просто сила. И не просто душа.

Это могло бы быть тем, что Малверис хотел назвать, измерить и использовать. То, что Аронелла носила в себе, возможно, даже не понимая до конца.

Лира сделала шаг назад. В физическом мире Каэль чуть наклонился к её телу.

— Дыхание изменилось.

Аронелла не отвела взгляда от Лиры.

— Она ещё здесь?

— Тело здесь, — сказал Каэль. — Остальное — не знаю.

Тогда Лира повернулась к столу. Дневник. В физическом мире обложка была закрыта. В сновиденном — она раскрылась. Лира подошла ближе. Страницы были другими. Не теми, что она читала ночью. Не теми, что переписывала последние недели. На физической странице чернила хранили формулы, координаты, обрывки фраз. Но в сновиденном слое под ними проступал второй текст. Не написанный чернилами. Оставленный намерением. Лира почувствовала это сразу. Малверис не просто записывал мысли. Он впечатывал в страницы след своего поиска. Слова появлялись медленно, будто поднимались из глубины бумаги. Материк не скрыт расстоянием. Лира задержала дыхание, хотя здесь оно было не нужно. Следующая строка:

Он скрыт состоянием. Буквы дрогнули. Ниже проявилось: Лёд — внешняя печать. Ещё ниже: Покров — внутренняя. Лира почти коснулась страницы пальцами. Чернила расплылись и сложились в новую фразу: Умиращее солнце открывает промежуток. Сердце её физического тела ударило чаще. Она услышала это даже здесь. Когда кровь слышит источник, путь входит в Межмирье. Межмирье. Лира не знала этого слова. Оно не звучало как старый вампирский язык. Не было похоже на медленную глубину Vaelkarin. И не напоминало грубую формульную речь алхимиков полностью. Слово Малверис взял человеческое понятие и насильно прикрепил его к тому, что существовало до человеческих названий.

Межмирье. Не отдельная земля. Не эфир. Не сон. Проход между закреплённой реальностью и тем, что спрятано ближе к глубинной ткани мира. Ваэль-Терон не был сном. Не был другим миром. Он существовал физически. Но путь к нему был закрыт через слой, который нельзя было пройти одной картой. Последняя строка проступила тяжелее остальных: Говорить нужно не морю. Говорить нужно крови. Лира подняла глаза. Сновиденная каюта дрогнула. Слишком долго. Она начала чувствовать холод в пальцах. Края её формы стали тоньше. Нет. Вернуться.

Но сначала — ещё. Она посмотрела на запад сквозь стену каюты. Стена стала почти прозрачной. За кораблём открылось сновиденное море. Красный отпечаток Покрова был далеко, но теперь она видела его иначе. Он не был сплошной стеной. Внутри него были просветы. Они появлялись и исчезали. Не в одном месте. Не по одной линии. Путь был не только пространством. Он был ритмом. Лира почувствовала, что красная даль снова поворачивается к ней. Она вспомнила тело.

Спина у стены. Каэль рядом. Аронелла напротив. Люциан у двери. Дыхание. Имя. Мир схлопнулся. Девушка открыла глаза в теле и резко согнулась вперёд. Каэль поймал её за плечи.

— Лира.

Она дышала тяжело. Настоящим воздухом. Прекрасным, грубым, болезненным воздухом.

Аронелла была уже рядом.

— Что ты видела?

Лира подняла голову. Голос вышел слабым, но ясным:

— Мы искали место.

Пауза.

— А нужно было искать момент.

Люциан медленно подошёл ближе.

— Какой момент?

Лира сглотнула.

— Закат. У ледяной границы. Когда солнце умирает за водой. Малверис написал, что тогда открывается промежуток.

Каэль нахмурился.

— Между чем?

— Между физическим миром и тем, что скрывает путь.

Аронелла смотрела на неё не мигая.

— Как он это назвал?

Лира медленно произнесла:

— Межмирье.

Аронелла нахмурилась.

— Я не знаю этого слова.

Люциан тоже стал серьёзнее.

— Это не слово старого двора.

— Нет, — сказала Лира. — Это слово Малвериса.

В каюте стало ещё тише. Слово будто осталось между ними новым предметом, который никто не хотел брать в руки первым.

— Ваэль-Терон не в другом мире, — продолжила Лира. — Он здесь. Но путь к нему закрыт. Лёд — внешняя печать. Покров — внутренняя.

Люциан очень медленно выдохнул.

— Значит, обычный корабль упрётся в лёд.

— Да.

— А если войти в правильный момент?

Лира посмотрела на дневник.

— Путь откроется.

Каэль коротко спросил:

— Что нужно?

Лира закрыла глаза, вспоминая строки.

— Ледяная граница. Закат. Концентрация. Кровь. И слова Vaelkarin.

Аронелла тихо сказала:

— Какие?

Лира открыла глаза и посмотрела на неё.

— Те, которые кровь помнит раньше разума.

За стеной корабль скрипел. Снаружи моряки кричали друг другу короткие команды. Где-то наверху капитан, возможно, всё ещё смотрел на пустой край карты и считал их безумцами. Аронелла подошла к маленькому окну. Море было спокойным. Но теперь оно уже не казалось дорогой. Скорее кожей, под которой двигалось нечто глубже.

— Тогда мы идём к ледяной границе, — сказала она.

Каэль посмотрел на Лиру.

— А ты в ближайшее время отдыхаешь.

Она хотела возразить, но не стала.

— Хорошо.

Люциан слегка поднял бровь.

— Чудо. Юная исследовательница согласилась не погибать самостоятельно. День уже не зря начался.

Лира устало посмотрела на него.

— Я всё ещё могу передумать.

— Не стоит. Ведьмак и так мрачен, а если ты умрёшь, он станет совсем невыносим.

Каэль сухо сказал:

— Люциан.

— Да, да. Как всегда попросишь меня заткнуться.

Аронелла смотрела на запад. Солнце ещё было высоко, но теперь каждый час приближал их не просто к вечеру. К первой попытке пройти туда, где мир спрятал её народ. Впервые за два месяца море перестало быть дорогой. Оно стало ожиданием двери.

ГЛАВА 3

ЛЕДЯНОЙ ЗАСЛОН

701 год Счёта Четырёх Корон. Первый день Светодара. Западные воды, край известных карт.

После того утра Лира больше не выходила из тела. Не потому, что ей запретили. Ей никто не запрещал. Запрет, наверное, только заставил бы её попробовать снова — из упрямства, боли и того молодого желания доказать, что страх не имеет над ней власти. Но последствия оказались убедительнее любого приказа. Три дня после второго выхода из тела она просыпалась с головной болью, которая не проходила даже после сна. Иногда боль была глухой, как тяжёлый камень за глазами. Иногда — тонкой и острой, будто кто-то натянул внутри черепа раскалённую струну. Дважды у неё шла кровь из носа. Один раз она открыла глаза и несколько мгновений не могла вспомнить, как шевелить пальцами правой руки. Вот тогда Аронелла села рядом с ней и сказала:

— Лира, после любого выхода за пределы тела нужно время. Никто из нас не может сделать того, что открыла ты. Будь снисходительна к самой себе.

Лира лежала на койке и упрямо смотрела в потолок.

— Если я перестану пытаться, я могу потерять путь.

Каэль стоял у двери. Он не вмешивался сразу, но всё это время слушал.

— А если ты сожжёшь себя, — сказал он, — путь уже будет некому искать.

Лира повернула к нему голову.

Ведьмак сказал это спокойно. Без нажима. Почти сухо. Но в этой сухости было больше заботы, чем в чужих длинных утешениях.

Аронелла продолжила мягче:

— Ты ничего не докажешь, если разрушишь себя раньше, чем поймёшь, с чем столкнулась. Тебе нужно восстановиться. Читать. Сравнить записи. Учиться держать внимание. Это не отступление.

Лира молчала.

Люциан сидел у стола и делал вид, что занят своей тетрадью. Но, как обычно, слышал всё.

— В открытиях есть одна неприятная деталь, — сказал вампир, не поднимая глаз. — Если человек открывает новую эпоху, но не доживает до того, чтобы объяснить, что именно открыл, за него это делают другие. Чаше меня суть знания.

Лира медленно посмотрела на него.

Люциан наконец поднял взгляд.

— Не дари свою находку тем, кто исказит её быстрее, чем ты успеешь выругаться.

Каэль коротко добавил:

— Отдохни.

Аронелла кивнула.

— Дай телу время восполнить силы и вернуться в нормальное состояние.

Лира хотела возмутиться — и не стала. Потому что все трое смотрели на неё не как на слабую, а как на человека, которого уже приняли в свой маленький круг и теперь не хотели отдавать сновиденному слою только потому, что она решила доказать собственную смелость. Поэтому алхимичка согласилась. Восстановиться.

Прошло несколько недель...

Корабль шёл всё дальше на запад, туда, где карты становились всё менее уверенными. Линии берегов давно исчезли. Торговые пути остались позади. Моряки всё чаще смотрели не на небо и не на паруса, а на воду — будто ждали, что в ней вот-вот проявится ответ, которого никто не хотел услышать. Лира продолжала читать дневник Малвериса. Теперь она читала его иначе. Не как ученица Башни, ищущая смысл в чужих формулах. И не как человек, ненавидящий того, кто разрушил её семью. Она читала как тот, кто уже один раз нашёл дверь в новый мир. И теперь искал не только вход — но способ пройти и вернуться с меньшей потерей концентрации.

На столе перед ней лежали отдельные листы. Девушка переписывала слова, сравнивала повторяющиеся корни, делала пометки, зачёркивала, снова возвращалась к тем же строкам. Словарь пополнялся с каждой новой работой.

Lir — душа. Sael — связь, касание, след, отклик. Ara — кровь. Vael — вечность, глубокое время. Ythir — скрытое, переходное. Veyr — поток. Khor — запрет, разлом. Dhael — родовая связь.

Человеческие переводы её раздражали. Они были слишком плоскими. Sael не означало просто «связь». Это был момент, когда одно существо оставляет в другом не след на коже, а изменение во внутреннем звучании. Ara не была просто кровью. Она была памятью рода, ценой жизни, способом мира помнить, кто к кому принадлежал. Лира всё чаще ловила себя на мысли, что человеческий язык похож на карту капитана: удобный, полезный, но заканчивается именно там, где начинается главное. После второго выхода из тела она пыталась повторить путь, но сновиденный слой больше не открывался. Иногда ей казалось, что она подходит к краю сна, почти касается его, почти слышит тот красный пульс вдали — и тут же её выбрасывало обратно. Она просыпалась с дрожащими пальцами, с болью в висках, с ощущением, что тело вернулось к ней на мгновение позже сознания. С каждым таким возвращением она понимала всё яснее: дверь в межмирье существовала — но не любила тех, кто бросался в неё без подготовки.

С того дня тренировки стали другими. Каэль больше не учил её только уходить с линии удара, держать равновесие на палубе и не закрывать глаза, когда страшно. Теперь он учил её вниманию. Утром, пока палуба ещё была влажной от тумана, он ставил Лиру у борта и заставлял слушать.

— Что ты слышишь?

— Море, ветер.

Лира закрывала глаза.

Дерево скрипело под ногами. Паруса хлопали выше. Где-то у мачты двое матросов тихо спорили о том, кому сегодня чистить бочки. Вода ударяла в левый борт, откатывалась, возвращалась снова. Один плохо закреплённый металлический крюк ритмично постукивал о стенку ящика.

— Крюк, — сказала она наконец.

— Держи его.

— Что значит «держи»?

— Значит, всё остальное пусть шумит. Ты слушаешь только его.

За эти недели Лира привыкла к способу заботиться по-ведьмачьи. Каэль не утешал, не гладил словами по голове, не обещал, что всё будет хорошо. Он просто видел, где человек может погибнуть, и становился между ним и этой точкой. Алхимичка снова закрыла глаза. Крюк стучал. Сначала она слышала всё сразу. Потом — меньше. Потом только крюк. Потом свой пульс. Потом дыхание. И где-то на самом краю внимания — тонкую нить, которая связывала её с телом. Так и проходила подготовка к выходу из тела.

— Вот, — сказал Каэль.

— Что «вот»?

— Ты сконцентрировалась и остановила мыслительный поток.

Она не сразу поняла, что он прав. Каждая такая тренировка утомляла сильнее, чем пробежка по палубе. Но после них сны становились осознанней и контролируемей.

Люциан почти не выходил на палубу. Вампир находился в маленькой каюте, которая никак не могла тягаться с масштабом его огромного внутреннего творческого мира. Он вёл дневник, записывая что-то каждый день. Иногда Лира видела его за столом. Перед ним лежала тетрадь в тёмной обложке, чернильница, аккуратно заточенное перо и несколько листов, на которых его почерк шёл ровно, красиво, с той спокойной уверенностью, которая ужасно раздражает людей, пишущих как после драки с кракеном.

Однажды Каэль остановился у двери, посмотрел на него и сказал:

— Наш поэт опять спасает мир чернилами?

Люциан не поднял головы.

— История всегда начинается как чья-то заметка, ведьмак.

— А заканчивается?

— Ложью тех, кто пережил автора.

Каэль хмыкнул.

После этого «поэт» закрепилось. Не как насмешка. Скорее как имя, которое никто не собирався объяснять. Люциан принимал его с тем спокойствием, с каким древние вампиры принимали плохую погоду, голод и неудачные монархии: неприятно, но переживём. Но чем ближе они подходили к краю карты, тем чаще его рука задерживалась над страницей. Иногда он писал медленнее. Иногда откладывал перо и закрывал глаза. Иногда доставал из внутреннего кармана плоскую флягу из чёрной кожи с серебряной застёжкой. Фляга пахла железом и травами. Лира впервые заметила это ночью. Она шла мимо его каюты с очередной стопкой своих записей, когда дверь была приоткрыта. Внутри горела одна свеча. Люциан сидел за столом, тетрадь перед ним была раскрыта, но перо лежало рядом. Он держал флягу. Сделал один глоток. Медленно. Без удовольствия. Потом закрыл глаза, будто пережидал вкус.

Лира застыла в коридоре.

Он не обернулся.

— Если ты сейчас спросишь, что это, — сказал Люциан тихо, — я буду вынужден придумать что-нибудь о лекарстве. Получится плохо. Я не люблю некачественно выдуманную историю.

Лира сглотнула.

— Это кровь.

— Да. Животная. С травами, солью и ещё парой отвратительных вещей, которые помогают ей не портиться так быстро, как ей хотелось бы.

— Тебе этого хватает?

Люциан наконец повернулся. В полумраке его лицо казалось спокойным, но глаза были темнее обычного.

— Нет.

Ответ был слишком честным. Лира не знала, что сказать.

— Это не пища. Это отсрочка.

— Ты пил человеческую кровь?

Он не отвёл взгляда.

Лира напряглась не от отвращения — от того, что ответ не оставил бы места сказке.

— Когда нужно, — добавил Люциан. — Когда иначе нельзя. Когда есть согласие. Когда есть выбор. Когда обстоятельства хуже меня. Я не притворяюсь существом без голода, Лира.

Это было бы слишком удобно для всех вокруг и слишком опасно для них же. Голод, который отрицают, всегда возвращается грубее.

Она молчала. Люциан снова взял перо.

— Не волнуйся. До тех пор, пока никто из экипажа не начнёт кровоточить рядом со мной, я сохраню светскую вежливость.

— Это должно было меня успокоить?

— Умеренно.

— Не получилось.

— Тогда запиши как правду. Она редко успокаивает, зато полезна.

Лира ушла не сразу. Уже в дверях она спросила:

— Зачем ты всё записываешь?

Люциан посмотрел на тетрадь.

— Потому что однажды кто-нибудь обязательно захочет рассказать эту историю без нас.

— Пауза. — А я не люблю, когда мёртвым приписывают чужие мысли.

Вечером Лира вернулась к карте. На столе лежали дневник Малвериса, несколько листов с корнями Vaelkarin и карта известных земель. Лира выписала названия королевств в отдельные столбцы. Сначала ради тренировки: если сейчас входить в сновиденный слой было слишком опасно, можно хотя бы укреплять язык.

Она обвела первое название. Noctyra.

— Ночь и земля, — тихо сказала она. — Или ночная завеса мира.

Аронелла, сидевшая у окна, подняла взгляд.

— Что ты делаешь?

— Перевожу, — ответила Лира. — Пытаюсь. Ради практики.

Каэль стоял у стены, молча слушая. Люциан сидел за столом чуть поодаль и писал в своей тетради. На вопрос он не поднял головы, но Лира уже знала: он слушает.

Она указала на карту.

— В человеческих названиях слишком много корней из вампирского языка. Не прямых. Искажённых. Но они там есть.

Аронелла подошла ближе. Лира показала ей лист.

— Веларион — от Vael и старой формы Rion, можно перевести как «земля вечного престола» или «королевство древнего порядка». Талирион — «земля морской короны». Солмира — соль, южная вода, отражение. Варкун — клятва и камень. «Клятва камня».

Каэль негромко сказал:

— Борну бы понравилось.

Лира почти улыбнулась.

— Да. Стоять, молчать и быть камнем.

— Иногда это лучше.

— Не спору.

Люциан наконец поднял взгляд.

— Я подозревал, что часть имён сохранила наши корни. Но никогда не видел, чтобы кто-то раскладывал их так старательно.

— Вы знали? — спросила Лира.

— Нет. Я слышал отголоски. В песнях. В старых клятвах. В именах рек. Иногда язык умирает не сразу. Сначала из него уходит смысл. Потом народ. Последним остаётся красивое звучание.

Аронелла смотрела на карту молча. Для неё Vaelkarin не был древним пластом под человеческой речью. Он был её первым способом ответить миру. И теперь Лира показывала: этот язык пережил её империю, её исчезновение, семьсот лет лжи — и остался в словах людей, которые даже не знали, что произносят память вампиров.

— Значит, мир не забыл вас полностью, — сказала Лира.

Аронелла медленно провела пальцами по краю карты.

— Нет. Он просто перестал понимать, что помнит.

Лира осторожно перевела взгляд на новый лист. Там были написаны имена. Аронелла. Люциан. Рейвис.

— У вампиров имена тоже переводились?

Аронелла не сразу ответила. Люциан перестал писать.

— Людям имя часто дают как предназначение или надежду на определённую жизнь, — сказала она. — У нас имя было ближе к следу. Иногда к клятве. Иногда к предупреждению.

Каэль поднял глаза.

— Удобно.

Люциан тихо усмехнулся.

— Если бы имена всегда предупреждали достаточно ясно, история была бы куда короче.

— Имя не приказывало судьбе, — продолжила Аронелла. — Но оно показывало, какой голос уже звучит в крови. У древних вампиров имя редко было случайным. Его могли дать не сразу. Иногда после первого проявления дара. Иногда после клятвы. Иногда после деяния.

Лира медленно записала: Имя — след крови. Натура. Клятва. Память. Потом подняла взгляд.

— А твоё имя?

В каюте стало тихо. Тише, чем обычно. Аронелла смотрела не на карту. Не на Лиру. Куда-то дальше — за стены корабля, за море, за толщу времени.

— Моё имя не было придумано, — сказала она.

Каэль перестал двигаться. Люциан опустил перо.

— В начале у меня не было слов. Мир говорил со мной иначе: через воду, через кровь, через тепло живых существ, через страх зверя перед смертью и первый вдох того, кто только родился. Я не знала, что такое имя.

Лира не шевелилась.

— Потом пришло видение. Не сон. Не мысль. Присутствие. Матерь Жизни не говорила так, как говорят люди. Её голос был сразу во всём: в крови, в свете, в земле, в моём дыхании. И среди этого я слышала слово.

Пауза стала почти священной.

— Aronella.

Лира почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

— Я не понимала его, — продолжила Аронелла. — Сначала это был только звук. Потом — чувство. Потом — знак, по которому я узнавала себя. Одно из первых слов, которые я научилась произносить.

— Значит, ты сначала слышала имя, а потом поняла, что оно твоё?

— Да. Позже, когда я начала создавать язык, я поняла, из каких смыслов оно состоит. Но человеческий перевод ломает это слово.

— А если близко?

Аронелла молчала долго.

— Та, в ком кровь впервые слышала жизнь.

Лира записала это медленно. Не как перевод. Как свидетельство.

Каэль сказал негромко:

— Значит, имя было не властью.

— Нет. — Пауза. — Началом.

Некоторое время никто не говорил. Потом Лира перевела взгляд на название дома. Velkaris.

— А дом? Откуда взялось имя Velkaris?

— В старой форме это звучало ближе к Vaelkaris.

Ли́ра быстро написала: Vael + Kar + Is.

— Вечность. Корень. Кровь. Родовая линия.

— Бли́зко, — сказала Аронелла. — Но настоящий смысл шире. Velkaris можно назвать «родом вечного источника» или «теми, кто несёт древнюю кровь». Но точнее — те, кто удерживают источник, чтобы из него рождалось новое.

— Новое?

— Чудо.

Каэ́ль чуть нахмурился.

— Чудо?

— Не невозможность. В мою эпоху чудом называли то, чего мир ещё не знал, но после чего становился больше. — В её голосе не было пафоса, и от этого слова звучали сильнее. — Я не хотела создать народ, чьё бессмертие станет пустым превосходством. Сила без смысла быстро превращается в голод. Я хотела создать эпоху, где бессмертие не станет проклятием повторения.

Люциан смотрел в стол. Аронелла продолжила:

— Высшим достижением было не количество владений. Не страх. Не число тех, кто склонял голову. А создать то, что переживёт тебя. Язык. Город. Ритуал, который спасёт род. Музыку, которую будут помнить. Сад в мёртвой земле. Способ исцеления. Летопись, которая удержит мир от забвения.

Ли́ра невольно посмотрела на тетрадь Люциана. Он заметил — и впервые не спрятался за шуткой.

— Значит, в Velkaris можно было войти? — спросила она.

— Да. Но не через силу, не через страх, не через победы в войне и не через родовитость саму по себе. До него можно было только дорасти. Для этого существовала Печать Венца.

Ли́ра записала название.

— Это был обряд?

— Священный обряд. Он не создавал вампира заново. Не был обращением. Я принимала достойного в свою линию, связывая его напрямую с кровью Velkaris, своей волей и короной. После этого он становился не просто приближённым, а частью дома трона, памяти и высшей ответственности.

— Кто мог быть достоин?

— Тот, кто создавал. Великое произведение искусства. Новое знание. Архитектуру, служащую вечности. Ритуал. Форму культуры. Или деяние, которое не дало народу разрушиться. Но оно должно было созидать.

Каэ́ль сказал:

— Значит, число убитых врагов не впечатляло.

Аронелла улыбнулась.

— Нет.

Люциан мягко добавил:

— Удивительная эпоха. Иногда даже мне кажется, что я её выдумал.

Аронелла посмотрела на него.

Ли́ра продолжила писать.

— Что происходило во время Печати?

Аронелла не сразу ответила.

— Посвящаемый пил мою кровь.

В каюте снова стало тихо. Каэ́ль чуть выпрямился.

— Это делало его таким же, как первые?

— Нет. Печать Венца не делала его равным прародителям. Но после неё его кровь навсегда несла знак Velkaris. Он получал право носить имя дома трона. И обязанность больше не принадлежать только себе.

Лира записала: Velkaris — не подарок. Бремя.

Аронелла заметила.

— Да. Именно.

— А ты родился в Velkaris? — спросила Лира, глядя на Люциана.

— Да, — ответил он. — Хотя мой отец был из Tharoven.

— Тогда почему Velkaris?

Люциан положил перо.

— Потому что моя мать была Velkaris. Селария. Она работала с языком — помогала закреплять письменные формы, уточнять звучание, сохранять высокие формулы, чтобы они не распались на придворные сокращения.

Аронелла кивнула:

— Селария была принята в Velkaris через Печать Венца за труд над языком и памятью. Она помогла ему пережить тех, кто хотел бы пользоваться им грубо.

Лира посмотрела на Люциана иначе.

— Значит, ты родился в Velkaris по праву её линии.

— Да. Если один из родителей принадлежал к Velkaris, ребёнок продолжал именно эту линию. Это была не фамилия — печать королевской крови.

Каэль посмотрел на Люциана.

— Значит, наш поэт родился в доме трона.

— Формально.

— А неформально?

Люциан посмотрел на тетрадь. Чернила ещё не высохли.

— Родиться в Velkaris проще, чем стать достойным Velkaris.

Лира не сразу нашла, что сказать. Аронелла смотрела на него почти с нежностью.

— Он пишет, потому что помнит, как легко мир забывает истину.

Люциан опустил взгляд:

— А ещё потому, что если я однажды создам нечто достойное моего дома. И смогу оправдать моё право имени рода.

Лира поняла: дневник Люциана был не занятием. Не привычкой. Не способом скоротать путь. Это была его попытка создать собственное чудо. Девушка перевела взгляд обратно на карту.

— Но Velkaris появился не первым домом?

Аронелла покачала головой.

— Сначала была я. Потом язык. Потом ритуал крови.

Каэль слушал внимательнее. Он не знал этой истории по-настоящему. Для него вампиры были легендой, угрозой, частью войны, которую Орден ведьмаков учил рассматривать слишком просто. Теперь Аронелла раскрывала перед ним не миф, а устройство мира, который она пыталась построить.

— Ритуал крови стал возможен только после языка, — говорила она. — Vaelkarin дал мне способ не просто пролить кровь, а назвать её состояние. Первые вампиры были созданы кровью. Но слово удерживало её от превращения в хаос.

— Значит, они были созданы словом? — спросила Лира.

— Нет. Кровью. Но слово удерживало форму. — Аронелла повернулась к ним. — Когда я создала первых, я не создала рабов и не солдат. Я дала им кровь, долгую жизнь, остроту чувств, способность помнить. Но воля оставалась их собственной.

Каэль поднял глаза.

— Они не подчинялись тебе?

Аронелла покачала головой.

— Они признавали мою власть. Я же от них ничего не ждала. Мне хотелось создать народ.

— Опасный дар.

— Любой настоящий дар опасен.

— Почему не удержать их жёстче?

Каэль действительно хотел понять саму природу правления Аронеллы.

— Потому что цивилизация, построенная только на подчинении, не живёт, — ответила Аронелла. — Она ждёт первого, кто станет достаточно сильным, чтобы подчинить её саму. У нас были жёсткие законы. Вампир не имел права убивать человека ради голода. Человек не был скотом. Люди жили рядом с нами. Работали. Учили. Создавали. Некоторые знали язык лучше молодых вампиров. Некоторые служили при дворе из веры в порядок, который мы строили.

Каэль медленно перевёл взгляд на карту.

— Значит, люди были частью твоего мира.

— Да.

— Наравне?

— Не всегда по силе. Но по достоинству — должны были быть.

Люциан тихо сказал:

— Это было одним из самых ненавидимых её законов.

— Кем?

— Теми, кто считал голод правом.

Аронелла на мгновение закрыла глаза.

— Были вампиры, которые не понимали, почему существа вечной крови должны ограничивать себя ради смертных. Были те, кто завидовал власти Velkaris. Были те, кто считал мои законы слабостью.

— Morvath? — спросил Каэль.

Люциан посмотрел на слово, выписанное на листе.

— Рейвис Морват. Не просто имя. Предупреждение, которое слишком долго считали политикой.

— Кто он?

Аронелла ответила не сразу:

— Один из первых. Последний из прародителей великих ветвей. Умный. Терпеливый. Очень внимательный к слабостям других.

— Воин?

— Не только.

Люциан сказал:

— С воином проще. Воин хочет победить. Морват хотел, чтобы после победы все объясняли друг другу, почему его власть была необходима.

Каэль запомнил это.

— Значит, если он там

— Если он там, мы войдём не просто в землю вампиров, — сказала Аронелла. — Мы войдём в мир, где мои законы могли пережить семьсот лет только как удобная ложь. Или исчезнуть совсем.

Каэль смотрел на неё. Теперь он видел не только королеву. Он видел женщину, которая создала народ и не знала, не стал ли этот народ чудовищем без неё.

— Ты боишься не их силы, — сказал он.

— Нет.

— Ты боишься увидеть, что твой же народ забыл тебя.

Аронелла молча кивнула. Люциан закрыл тетрадь. Лира перестала писать.

— Я боюсь увидеть, что они больше не помнят, зачем мы вообще были созданы, — сказала Аронелла.

Каэль кивнул. Медленно. Без утешений.

— Тогда рассказывай дальше.

— Зачем?

— Если мы идём в их мир, я должен знать, где у него кости.

Пауза. Люциан первым нарушил тишину:

— Вот теперь это почти поэзия.

Каэль не посмотрел на него.

— Не удивляйся, ты просто плохо меня знаешь.

Аронелла опустила взгляд к листам Лиры.

— Первые прародители не были одинаковыми. Но важно понять другое: прародитель и правитель — не одно и то же.

— Но от них пошли дома.

— Да. Но они не всегда правили. Линии собирали сторонников, учеников, потомков. Постепенно вокруг них вырастали дома. А домами уже могли править другие — те, кто был ближе к политике, войне, двору.

Люциан добавил:

— Прародители дали домам кровь. Не расписание собраний.

Каэль:

— Почти мудро.

— Запиши. Такое случается редко.

Аронелла продолжила:

— Ордас Дракорин был одним из первых. Он всё глубже уходил в ритуалы, кровь, архивы и память камня. От него пошёл Drakogyn — дом ритуала и древнего дыхания.

— Он правил?

— В начале его слушали как источник. Но со временем власть перешла к другим. Ордасу было неинтересно сидеть в залах и решать, кто кому уступит место за столом. Он был слишком близко к первому зову крови.

— Серет Ноктерис, — продолжала Аронелла, — поняла ночь не как мрак, а как то, что позволяет слышать незримое. От неё пошёл Nocterys — тайна, наблюдение, скрытое знание. Но и она исчезала всё чаще. В собственных тенях, в тайных путях.

Лира почувствовала холодок. После сновиденного слоя эти слова звучали не как метафора.

— Каэдор Таровен был клятвой и клинком. Tharoven — дом воинского рубежа. Они верили, что порядок держится готовностью стоять там, где остальные отступят.

Каэль чуть заметно кивнул. Люциан заметил:

— Осторожно, ведьмак. Тебе начинают нравиться наши старые дома.

— Не все.

— Уже прогресс.

Аронелла не улыбнулась.

— Последним был Рейвис Морват.

Каюту будто затянуло холодом.

— Почему последним?

— Потому что у меня больше не было сил проводить ритуалы крови, каждый раз он мне давался с большими усилиями. А позже я и вовсе поняла, что все мои создания являются не частью меня, а продолжением. У каждого из них есть право на свою судьбу и своё видение мироустройства.

Люциан опустил глаза. Аронелла говорила ровно, но под ровностью была старая боль.

— Рейвис был умён. Он видел слабые места там, где другие видели законы. Morvath изначально не был домом зла. Старый смысл имени был мягче: род, удерживающий ночь. Ночь как защиту. Как глубину. Как укрытие.

— А потом?

— Потом ночь стала удобным местом для цепей.

Люциан тихо сказал:

— Мог — это смерть. Конец формы. Для меня Morvath всегда звучал как дом смерти.

— Хорошее название для тех, к кому мы можем плыть, — заметил Каэль.

— Мы ещё не знаем, к кому плывём.

— Но ты допускаешь, что это могут быть они.

— Да.

Люциан взял перо, но писать не стал.

— Я ушёл от основной крови ещё в начале Алой войны. Тогда всё уже распадалось. Я видел первые трещины, первые тайные союзы, первые красивые оправдания будущего предательства. Потом пошёл своей дорогой.

— Значит, вы тоже не знаете, кто остался жив?

— Нет. Знаю только тех, кого помню. А память не даёт гарантий. Тем более за всё это время многое могло измениться. Ведьмаки многих истребили так или иначе.

Он усмехнулся, но без прежней лёгкости.

— Очень грубый недостаток памяти. Я давно хотел подать жалобу.

Каэль сухо:

— Наш поэт недоволен устройством мира.

— Наш поэт давно недоволен устройством мира. Просто сегодня у него есть аудитория.

Аронелла смотрела на имена прародителей.

— Я не видела их больше тысячи лет. Не знаю, кто умер, кто скрылся, кто передал власть, кто был убит своими же. Кто согласился с новым порядком. Кто сохранил старый.

— Значит, на материке может быть кто угодно.

— Нет, — сказал Каэль. — Если материк держался семьсот лет или чуть меньше, там есть власть. Вопрос — чья.

Люциан посмотрел на слово Morvath:

— И если это власть Морвата, она будет не просто сильной. Она будет объяснять, почему у неё есть право быть жестокой.

Аронелла опустила взгляд.

— Именно это меня и беспокоит.

Она подошла к окну. Море темнело. На горизонте больше не было привычных линий мира — только вода, туман и далёкий запад.

— Старый мир держался на трёх вещах. Кровь не должна быть лишена смысла. Сила не должна быть выше закона. Бессмертие не освобождает от долга.

Люциан добавил:

— И четвёртая, которую все постоянно забывали. Никогда не доверяй дому, который слишком красиво говорит о необходимости исключений.

Каэль коротко хмыкнул. Лира не улыбнулась. Она смотрела на свои записи — язык, имена, кровь, ритуал, прародители, законы, люди при дворе, зависть, Печать Венца, Morvath. Всё это уже не было легендой. Это было прошлое, которое плыло вместе с ними. А за льдом ждали те, кто, возможно, превратил это прошлое во что-то совсем другое.

СПУСТЯ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ

На третий день после этого разговора капитан сказал, что карты закончились. Он не произнёс это торжественно — скорее зло, как человек, всю жизнь веривший в хорошие снасти, ясные звёзды, крепкий корпус и здравый смысл, а теперь его попросили идти туда, где всё это становилось декоративным. Они стояли на палубе. Ветер был слабым, но холодным — не зимним. Зимний холод принадлежал миру. Этот казался пришедшим из места, где сезонность уже не имела значения. Капитан придавил карту ножом.

— Здесь заканчиваются известные воды. Дальше только старые отметки. Туман. Лёд. Мёртвое течение. И рассказы пьяных людей, которые никто не записывал, потому что утром им становилось стыдно.

Аронелла смотрела на запад.

— Мы идём дальше.

Капитан усмехнулся.

— Конечно.

В этом «конечно» было всё: усталость, злость, страх и желание сказать, что женщины с глазами, будто видевшие смерть лично, — не лучший источник морской стратегии.

— Команда на пределе, — сказал капитан тише.

— Я знаю.

— Нет, госпожа. Не знаете. Они видели, что произошло в Веларионе. Слышали про тварей, про Башню, про людей, которых рвали на улицах. Теперь они смотрят в воду и ждут, что она откроет пасть.

Каэль сказал:

— Держите их занятыми. Испуганный человек без дела быстро становится глупым.

Капитан скривился, но приказал людям проверить снасти, крепления бочек, запасные паруса и ледовые крюки. Движения стало больше. Страх получил работу. Иногда этого хватало, чтобы он не стал бунтом.

Ледяной Заслон появился ближе к закату. Сначала море изменило звук. Оно перестало говорить. Волны ещё двигались, но всё происходило будто под слоем ткани. Звуки стали глуше, ветер слабее, холод — сильнее. Потом пришёл туман. Он не спускался с неба — он поднимался из воды. Белый, плотный, тяжёлый, он обвивал корабль, полз по палубе, цеплялся за сапоги, ложился на канаты, оставляя на дереве ледяную влагу. Компас капитана начал дрожать. Сначала едва заметно. Потом стрелка резко повернулась на север, на запад, обратно на север — и закружилась, будто решив, что направление — это вопрос вкуса.

Капитан побледнел.

— Великие воды

Никто не рассмеялся.

Из тумана поднялась первая ледяная глыба. Огромная. Слишком большая для обычного льда. Верхушка терялась в белой мгле, основание уходило в чёрную воду. По поверхности проходили тёмные прожилки, похожие то ли на трещины, то ли на застывшие руны. За ней появилась вторая. Третья. Через несколько минут впереди стояла целая стена — не ровная, не сплошная, но такая, что любой разумный капитан развернулся бы задолго до того, как различил отдельные формы. Лёд не выглядел препятствием. Он выглядел решением мира больше никого не пускать дальше. Моряки замерли. Кто-то прошептал молитву к богу солнца. Кто-то сжал амулет приливов. Один молодой матрос смотрел на глыбы так, будто уже видел, как его имя завтра вырежут на пустом ящике вместо могильного камня.

Капитан повернулся к Аронелле.

— Всё. Дальше нельзя.

Ли́ра стояла у мачты, обеими руками сжимая край плаща. Бледная, но не отступала. Каэ́ль находился рядом — не касаясь, но так близко, чтобы успеть поймать.

— Солнце, — сказала Ли́ра.

— Что?

— Нужно дожидаться, когда оно коснётся воды.

— Девочка, если мы будем ждать у этой стены

— Ждём, — сказала Аронелла.

Капитан закрыл глаза.

— Вы все безумны.

— Возможно, — сухо ответил Каэ́ль. — Но это и поможет нам найти Малвериса.

Солнце опускалось медленно. Каждая минута растягивалась, как верёвка под тяжестью. Корабль дрейфовал перед ледяной стеной. Капитан держал людей на местах, раздавал короткие приказы, заставлял проверять крюки и шесты, хотя все понимали: если лёд двинется, никакие шесты не спасут. Аронелла вышла на нос корабля. Туман обтекал её тёмный плащ. В холодном свете она казалась не человеком и не легендой — а чем-то, что само принадлежало границе. Ли́ра встала позади. Каэ́ль — рядом с ней. Люциан оставался внутри, но прежде чем закрыть дверь, тихо произнёс:

— Если язык ответит грубее, чем должен, значит, перед нами уже не твой Vaelkarin.

Аронелла запомнила.

Теперь она смотрела на лёд и боялась не врага. А ответа. Если за этой стеной был её народ — каким он стал? Если он больше не помнил её? Если кровь действительно можно научить молчать?

Солнце коснулось воды. Красный свет прошёл по туману. Лёд впереди вспыхнул изнутри тёмными прожилками — не ярко, так вспоминает старая рана: не светом, а болью.

Аронелла вынула небольшой клинок. Каэ́ль чуть повернул голову.

— Нужна кровь?

— Не много.

Лезвие скользнуло по ладони, раскрывая тонкую алую линию. Капля упала на нос корабля — и не растеклась. Она замерла на дереве, слишком яркая, слишком живая для этого холода.

Ли́ра почувствовала, как воздух стал плотнее. Не ветер. Не магия. Состояние.

Аронелла заговорила. Медленно. Низко.

— Aa. Кровь.

— Noct. Ночь.

— Khor. Запрет.

— Vael. Вечность.

— Dhael. Род.

Слова не звучали громко. Но лёд услышал.

Ли́ра закрыла глаза и удержала дыхание — не всё, одно. Капля крови на дереве. Красный свет заката. Слово Sael внутри. Связь. Касание. След.

Мир стал слишком тихим. Капитан крикнул что-то. Моряки закричали в ответ. Ли́ра открыла глаза. Корабль двигался прямо к льду. Глыбы впереди были близко. Слишком близко.

Капитан сорвался:

— Поворачивать!

— Нет, — сказала Аронелла.

Он не поверил. Каэ́ль шагнул к нему и положил руку на плечо — не грубо, но так, что капитан замер.

— Ждите.

— Мы разобьёмся.

— Я сказал ждать.

— Вы издеваетесь?

— Разве я похож на того, кто шутит.

Капитан посмотрел на него как на последнего безумца мира. А потом лёд сместился. Не раскололся. Не разошёлся великими воротами. Не открылся красиво, как в легенде. На одно мгновение всем показалось, что стена льда просто была не там. Или корабль всегда шёл чуть правее. Или между глыбами всё это время существовал узкий проход, но человеческий взгляд не мог признать его настоящим, пока кровь, слово и закат не совпали в одной точке. Лёд не открылся. Мир на мгновение признал, что путь был всегда. Корабль вошёл. Моряки замолчали. Даже капитан. По обе стороны поднимались ледяные стены — огромные, синие, почти чёрные внутри. В них мерцали тёмные прожилки, похожие на руны, вырезанные не рукой, а самой древностью. Вода под килем стала густой и чёрной. Звук исчез. Лира слышала только сердце. И ещё — далёкий красный пульс. Раз. Пауза. Она поняла: это не Покров. Это только внешняя печать. Лёд — внешняя печать. Покров — внутренняя. Слова Малвериса вернулись к ней так ясно, будто он стоял рядом.

Каэль заметил, как она сжала пальцы.

— Держишься?

— Да.

Он кивнул. Доверяя молодой алхимичке ставшей для него ещё одной значимой фигурой за столь короткий жизненный срок.

Корабль шёл через ледяной коридор долго — или несколько минут. В таком месте время переставало быть достойным доверия. Наконец стены начали редеть. Туман впереди стал красноватым — будто кто-то растворил в воздухе каплю крови. Корабль вышел из коридора. Море за льдом было другим: тише, глубже, плотнее. Солнце почти исчезло, оставив на воде длинную алую полосу. Аронелла стояла на носу и не двигалась. Каэль подошёл.

— Ты что-то почувствовала.

Утвердительно сказал ведьмак.

— Да.

— Что?

Аронелла смотрела вперёд, туда, где туман скрывал всё. Голос стал ниже.

— Не смерть.

Каэль не ответил. Он понял. Лира тоже. Впереди была кровь. Слабая. Далёкая. Их ещё отделял Кровавый Покров. Но за льдом уже не было пустоты.

ВАЭЛЬ-ТЕРОН. КРОВАВОЕ КОРОЛЕВСТВО ВАЛАРИС. ДРАЭМОР.

В Драэморе не звонили колокола. Здесь кровь сообщала новости быстрее металла. Рейвис Морват стоял у высокого окна тронного зала и смотрел на запад, туда, где за чёрными скалами лежал Кровавый Покров. Небо над Валарисом было тёмным, тяжёлым, с алыми прожилками заката, похожими на незажившие трещины. В зале было тихо. Так тихо, что слышно было, как кровь падает в чашу. Капля. Пауза. Капля. Слуга в сером одеянии стоял неподвижно. Его левое предплечье раскрывал тонкий ровный разрез. Он не кричал, не плакал, даже не дрожал — только смотрел в пол, будто боялся не боли, а того, что его страх окажется неуместным. Рейвис взял чашу, сделал глоток и на мгновение закрыл глаза. Кровь была слабой. Человеческой. Тёплой. Полезной. Но сейчас он слушал не её. Далеко за пределами Драэмора дрогнул Покров. Не так, чтобы заволновались башни. Но достаточно, чтобы кровь в зале стала тише. Рейвис открыл глаза. Двери раскрылись без шума. Вошла молодая женщина в тёмном платье, расшитом алыми нитями. Она двигалась спокойно, почти бесшумно, и в её лице было что-то

от Морватов — не красота даже, а уверенность существа, с детства знавшего, что чужой страх — часть воздуха.

Она остановилась в нескольких шагах и склонила голову.

— Отец.

— Говори.

— Покров отозвался.

Слуга побледнел, но не поднял глаз.

— Где?

— У внешнего льда. Сначала слабый отклик. Потом смещение. Ненадолго.

— Не смещение. — Рейвис поставил чашу. — Дверь.

Девушка подняла взгляд.

— Кто мог открыть её?

Рейвис повернулся. Его лицо оставалось спокойным — слишком спокойным для новости, способной потревожить материк.

— Не тот, кто искал землю. Землю Покров не слышит.

— Тогда кто?

Он посмотрел на чашу. Кровь на серебре казалась почти чёрной.

— Тот, кого Покров не смог забыть.

В зале стало холоднее. Девушка не изменилась в лице, но пальцы сжались на ткани платья.

— Приказать стражам выйти к берегу?

— Нет. Тех, кто прошёл внешний лёд, нельзя встречать как заблудившихся. Их нужно встретить как гостей.

— Даже если это враги?

Рейвис посмотрел в сторону невидимого моря.

— Особенно если это враги.

Он провёл пальцем по краю чаши. На коже осталась тонкая алая линия.

— Подготовь зал.

Рейвис улыбнулся едва заметно — не радостно, почти с сожалением.

— Для той крови, которая долго считалась мёртвой.

Девушка поняла не всё. Но вопросы здесь было не принято задавать. Она склонила голову ниже.

— Будет исполнено.

Рейвис снова повернулся к окну. Далеко за льдами, за туманами, за древними печатями кто-то коснулся границы мира. Покров ответил. Кровь вспомнила источник. А значит, прошлое больше не лежало в земле. Оно плыло к ним.

ГЛАВА 4

ГОСТИ МОРВАТА

701 год Счёта Четырёх Корон. Первый день Светодара. За Ледяным Заслоном.

Кровавый Покров не выглядел как стена. Лира ожидала увидеть что-то явное: алую завесу, разлом в воздухе, поток света, который можно было бы назвать границей. Что-то, перед чем человек мог остановиться и сказать: вот здесь заканчивается привычный мир. Но перед кораблём был только туман. Красноватый. Тёплый. Слишком тёплый после льда. Он поднимался над водой медленно, слоями, будто море выдыхало кровь и не хотело признаваться в этом. Чем глубже корабль входил в пелену, тем тише становились люди на палубе. Даже самые испуганные матросы больше не шептались. Капитан стоял у руля, побледневший, но упрямый. После Ледяного Заслона он уже не спорил с Аронеллой так резко, как раньше. Когда человек один раз видит, как лёд признаёт путь, которого ещё мгновение назад не существовало, его отношение к приказам на первый взгляд ничего немыслящей в географии женщины меняется. Лира держалась за борт. В висках звенело. Словно кто-то очень далеко ударял по тонкому стеклу, и звук доходил не до ушей, а сразу до костей. Каэль стоял рядом. Он ничего не говорил. Только смотрел в туман. Алхимичка уже знала этот взгляд: ведьмак не пытался понять красоту происходящего. Он искал, откуда может выпрыгнуть кот в мешке. Люциан вышел на палубу только тогда, когда туман стал таким плотным, что люди едва различали друг друга. Нижнюю часть его лица закрывала тёмная дорожная повязка. На корабле она выглядела как защита от холода, соли и ветра. Но теперь, в красноватом тумане, это больше походило на последнюю попытку притвориться частью человеческой экспедиции. Он стоял в тени у двери. Без шуток. Без обычной тонкой улыбки. И от этого Лире стало тревожнее, чем от самого тумана. Аронелла была на носу корабля. Неподвижная. Тёмный плащ едва шевелился от влажного ветра. В красной пелене её силуэт казался не частью корабля, а частью самой границы — чем-то, что могло принадлежать обеим сторонам мира. Покров не приветствовал её. Лира почувствовала это раньше, чем поняла. Он проверял. Туман касался кожи, забирался под ворот, ложился на ресницы. От него пахло не морем. Пахло железом, сырой землёй после дождя и чем-то древним, что не должно было иметь запаха, но всё равно имело. Аронелла медленно подняла руку. Кровь на её ладони после Ледяного Заслона уже почти остановилась, но тонкая алая линия ещё виднелась на коже. Туман дрогнул. Как живое существо, которое услышало знакомое имя, но не сразу решило, радоваться ему или бояться. Лира сжала край борта. На мгновение ей показалось, что корабль не плывёт, а проходит через память мира. Через что-то огромное, давно раненное, но всё ещё способное узнать прикосновение.

Каэль тихо спросил:

— Что происходит?

Аронелла не обернулась.

— Покров реагирует на кровь.

Люциан, стоявший у двери, сказал негромко:

— Вот и увидим, где же находится край земли.

Никто не ответил. Корабль шёл дальше. И вдруг туман стал краснее. Глубже. Словно внутри него раскрылись невидимые жилы. Моряки один за другим замерли. Кто-то схватился

за амулет. Кто-то за нож. Один молодой матрос тихо выдохнул молитву так быстро, что слова слиплись в одно дрожащее дыхание. Лира почувствовала, как пространство сжалось. Потом отпустило. Резко. Так, будто невидимая рука разжала горло мира. Туман начал редеть. Сначала вернулся звук воды. Потом — ветер. Затем красная пелена перед носом корабля стала золотисто-серой, словно в неё впервые за много дней попал настоящий свет. И тогда они увидели берег.

Ваэль-Терон не был мёртвой землёй. Чёрные скалы поднимались из моря, мокрые, тяжёлые, с тёмно-алыми прожилками, будто сам камень когда-то кровоточил и не до конца зажил. Над ними висели мосты и арки, врезанные в утёсы так глубоко, словно их не построили, а заставили вырасти из горы. Но дальше земля менялась. Слева над берегом стоял густой туман, и в нём двигались тёмные деревья, покрытые инеем. Чуть выше, на склонах, лежала осень: золотая трава, багровые кроны, чёрные стволы, похожие на обугленные кости. Ещё дальше, за линией холмов, раскрывались зелёные долины — такие яркие, будто мир там не знал ни войны, ни зимы. А над одним из дальних плато светило солнце: спокойное, чистое, почти невозможное после льда и мёртвых вод. На одном материке стояли сразу зима, осень, весна и лето. Не сменяя друг друга. Не споря. Просто существуя рядом. Лира не могла подобрать слово. Это был не пейзаж. Это было время, разломанное на четыре части и собранное обратно чужой рукой.

Каэль смотрел на берег.

— Здесь определённо что-то не так, — сказал он.

Люциан чуть склонил голову.

— Удивительно точное описание скрытого материка, ведьмак.

— Ты знал?

— Да, знал, я же тут каждые выходные бываю. А ты не заметил?

Аронелла не слушала их. Её кровь чувствовала материк иначе: не глазами, не кожей, не памятью. Где-то под камнем, под туманом, под цветущими долинами бился глубокий, медленный пульс. Кровь. Много крови. Живой. Вампирской. И впервые, за всё время после заточения, она почувствовала не одиночный отклик, не след, не остаток древней боли. Она почувствовала народ. Это должно было принести облегчение. Но всё было не так очевидно.

Гавань Валариса была вырублена в чёрном камне. Корабль входил медленно, почти без звука. По обе стороны поднимались высокие стены утёсов, а в них виднелись арки, балконы, лестницы и узкие окна, за которыми двигались тени. Вода у пристани была тёмной, густой, с едва заметными красными отблесками, словно отражала не небо, а что-то под собой. Капитан стоял у борта и смотрел на берег так, будто боялся моргнуть и потерять доказательство того, что невозможная земля действительно существует.

— Я сойду с вами, — сказал он.

Аронелла повернулась к нему.

— Нет.

Он нахмурился.

— Я привёл вас сюда.

— Как раз поэтому вы и ваши люди должны остаться живы.

— Вы думаете, на берегу опасно?

Аронелла посмотрела на пристань, где уже стояли тёмные неподвижные фигуры.

— Я думаю, что на этом берегу не каждый человек считается гостем.

Капитан хотел возразить. Потом увидел людей у каменных ступеней. Они были одеты чисто. Не в лохмотья. На них не было цепей. Но никто из них не поднимал глаз на вампиров рядом с ними. И именно это заставило капитана промолчать.

— Мои люди останутся на корабле, — сказал он.

Аронелла первой ступила на камень пристани. За ней — Каэль. Потом Лира. Люциан вышел последним. Оказавшись на берегу, вампир остановился на мгновение и медленно снял

тёмную повязку с нижней части лица. Несколько моряков у борта увидели его лицо полностью. И больше не спросили ничего. Один из вампиров-стражей у пристани едва заметно повернул голову. Не резко. Не открыто. Но так, будто почувствовал что-то в крови. Люциан это заметил. И сделал вид, что нет.

На пристани их ждала женщина. Сначала Лира подумала так: женщина. Не стражница. Не воин. Не придворная. Но уже через мгновение поняла, что ошиблась. Та, кто стояла перед ними, не нуждалась в названии. Пространство вокруг неё само подсказывало, кем ей позволено быть. Высокая, гибкая, в тёмном платье цвета густого вина и чёрного камня. Ткань плотно ложилась по фигуре, открывая линию шеи и плеч ровно настолько, чтобы это выглядело не откровенностью, а властью над чужим взглядом. Алые нити тянулись по рукавам и краю высокого разреза, будто кто-то вышил на ней тонкие следы крови. Издалека её волосы казались холодно-светлыми. Но когда морской ветер тронул пряди, в них проступил глубокий винный отлив — тёмный, почти кровавый. Лира заметила это первой. Каэль заметил другое. Как стояли её ноги. Как свободно лежали руки. Как вампирша смотрела не на всех сразу, а выбирала, кто первым станет целью. Люциан заметил третье. Её улыбку. Слишком живую для двора Морвата. Аронелла смотрела на неё дольше остальных. Она видела поколение, которое родилось уже после падения её мира. Женщина склонила голову. Не низко. Ровно настолько, чтобы это считалось приветствием, но не признанием власти.

— Отец сказал, что берег может принять невозможных гостей, — произнесла она. — Теперь я понимаю, что он имел в виду.

Аронелла смотрела со спокойной уверенностью.

— Твой отец?

Девушка в ответ только улыбнулась. Чуть позже добавив.

— Рейвис Морват.

Воздух у пристани будто стал плотнее. Люциан едва заметно поднял бровь.

— Разумеется, нам как всегда везёт.

Роскошная вампирша перевела на него взгляд, осматривая так будто уже раздела его.

— Velkaris.

Она произнесла это не как приветствие. А как человек, который увидел редкую вещь, считавшуюся почти исчезнувшей.

Люциан чуть склонил голову.

— Morvath.

— Живой.

— Пока история не предъявила окончательный счёт.

Её улыбка стала глубже.

— Для Валариса Velkaris — редкость. Почти музейная.

— Как мило, — сказал Люциан. — Я всегда мечтал стать экспонатом.

— Не экспонатом, — ответила женщина. — Напоминанием.

— О, это ещё хуже. Напоминания обычно раздражают тех, кто хотел забыть.

Её взгляд стал чуть ярче.

— Ты всегда говоришь так, будто хочешь, чтобы тебя ненавидели?

— Нет. Иногда это получается без усилий.

Она задержала взгляд на его лице, словно хотела понять, где в этом вампире кончается шутка и начинается предупреждение.

Потом повернулась к Каэлю.

— Ведьмак.

Она произнесла это слово без страха, с удовольствием.

— С каких пор вампиры стали ходить рядом с теми, кого люди создали для нашей смерти?

Каэль не ответил. Он смотрел равнодушно. Лира подметила: если Каэль молчит, это не значит, что он ничего не думает. Обычно это значило, что он пытается продумать возможные развития ситуации. Люциан ответил вместо него:

— Примерно с тех пор, как часть вампиров решила спрятаться за льдом и назвать это новым порядком.

Женщина медленно повернула голову к нему.

— Острый язык для того, кто так долго странствовал.

— Я берег его для достойной встречи.

— И нашёл?

Люциан посмотрел на пристань.

— Пока не решил.

На мгновение улыбка вампирши стала настоящей.

— Саэрис Морват, — сказала она наконец.

Лира повторила имя про себя. **Sae** — след, касание, отклик. **Ris** — острый край. Рана. Лезвие. Смысл сложился не сразу, но когда сложился, Лира почувствовала, как неприятно пробежал холод по позвоночнику. Та, чьё касание оставляет рану. Алхичика не сказала этого вслух. Но Саэрис вдруг посмотрела на неё — быстро, остро, будто уловила не мысль, а само движение внимания.

— Человек? — спросила она.

Лира выдержала взгляд.

— Да.

— Смело.

Саэрис улыбнулась.

Аронелла шагнула чуть вперёд, не закрывая Лиру, но обозначая границу.

Саэрис подметила данный жест.

— Не тревожьтесь, — сказала она. — Я не кусаю гостей у пристани.

Люциан тихо произнёс:

— Какая цивилизованность.

— Мы не дикари, *Velkaris*.

— Да. Дикари чаще честнее.

Саэрис снова улыбнулась.

Лира перевела взгляд на людей у пристани. Некоторые держали сосуды, другие — тёмные плащи, третьи стояли у носилок и не поднимали глаз.

— Здесь есть люди, — сказала Лира.

Саэрис посмотрела на неё с почти искренним удивлением.

— Конечно.

— Они живут здесь?

— А чем, по-твоему, нам ещё питаться?

Тишина стала такой резкой, что даже море будто отступило. Каэль едва заметно сместил руку ближе к оружию. Аронелла не шевельнулась, но в её лице исчезло вся мягкость. Люциан перестал улыбаться.

Саэрис заметила это и наклонила голову.

— Не смотрите так. Здесь хотя бы никто не лжёт о природе голода.

Аронелла сказала тихо:

— Голод не даёт права превращать жизнь в имущество.

— Это красивая мысль, — ответила Саэрис. — Наверное, она прекрасно звучала в старом мире.

Пауза.

— Но старый мир умер и вместе с ним все предыдущие убеждения.

Взяв небольшую паузу, вампириша продолжила.
— Отец ждёт вас в Драэмор.

ДРАЭМОР.

Дорога к Драэмору шла вверх. Город не раскрывался сразу. Он поднимался слоями: нижние пристани, чёрные лестницы, арочные переходы, террасы, где стояли чаши с тёмным огнём, и стены, в которых красные прожилки камня складывались в рунические узоры. Лира шла рядом с Аронеллой и старалась смотреть на всё сразу. Не получалось. Ваэль-Терон был слишком большим после каютной тесноты и чрезвычайно неправильным после карт, где всё имело границы, подписи и приблизительные расстояния. Здесь расстояние казалось обманом. Далёкие башни выглядели ближе, чем ступени под ногами. Туман на одном склоне двигался против ветра. Внизу, возле гавани, пахло солью, а чуть выше, от садов на террасах, доносился запах тёплой земли и цветущих деревьев. На одном уровне города лежал иней. На другом — падали жёлтые листья. На третьем — алые цветы раскрывались прямо из трещин. Когда они вошли глубже в город, Валарис начал смотреть на них. Сначала — отдельными взглядами из-под капюшонов, из окон, с верхних террас. Потом вниманием целых групп. Люди быстро опускали глаза, едва встречаясь с Аронеллой взглядом, будто сама привычка смотреть была здесь опасной роскошью. Вампиры смотрели иначе. Старшие — настороженно. Так смотрят не на чужаков, а на слух, который вдруг пришёл к тебе в дом на собственных ногах. Молодые — дерзко. Некоторые задерживали взгляд на Каэле, и в этом взгляде было старое презрение к оружию врага. Другие смотрели на Люциана с неприятным интересом: Velkaris здесь действительно был редкостью. Но хуже всего Лира чувствовала взгляды на себе. Молодые вампиры смотрели на неё слишком открыто. С любопытством, голодом, игрой. Не как на собеседника. Скорее как на новенькую игрушку. Как на то, что можно захотеть. Алхимичка не опустила глаз, хотя очень хотелось. Каэль заметил. Не повернул головы, не сказал ничего. Просто оказался чуть ближе. Люди здесь не суетились. Они двигались быстро, но тихо. Не как свободные горожане и не как рабы, которых гонят плетью. Скорее как те, кто с детства знает: лишнее движение может привлечь внимание существа, которому не нужно объяснять своё право на чужую жизнь. Вампиры шли иначе. Прямее. Медленнее. Так ходят не те, кто торопится, а те, кто уверен, что весь город подождёт. Каэль заметил это первым.

— Люди не пленники, — сказал он негромко.

Люциан посмотрел на людей у ближайшей арки.

— Нет.

— Хуже, — сказал Каэль. — они выбрали это.

Аронелла слышала. И ничего не сказала. Лира видела, как это ударило по ней. Весь мир, выстроенный Королевой Вампиров рухнул повторно. Вокруг звучала речь. Лира улавливала отдельные корни. Старые слова. Обрезанные окончания. Знакомые созвучия. Это был не Vaelkarin в чистом виде. Здесь говорили жёстче. Короче. Словно

Саэрис, идущая впереди, не оборачивалась. Они прошли под огромной аркой, где в камне виднелись старые знаки. Лира не знала их полностью, но один узор узнала по записям: изгиб, похожий на корону и корень одновременно. Velkaris. Поверх него была наложена другая печать. Как клеймо. Аронелла остановилась на полшага.

— Отец любит сохранять полезные вещи, — сказала Саэрис, не оборачиваясь. — Даже если они принадлежат мёртвым эпохам.

Аронелла пошла дальше. У ворот Драэмора Саэрис замедлила шаг и обернулась к Люциану.

— Если в Драэморе тебе станет скучно одному, Velkaris, я могу составить тебе компанию.

Молодая и соблазняющая вампирша сказала это легко. Так, будто предлагала не опасность, а вечернюю прогулку. Люциан посмотрел на неё спокойно.

— Боюсь, я слишком стар, чтобы путать ловушку с приглашением.

Саэрис улыбнулась.

— А я слишком молода, чтобы перестать пробовать.

— Тогда у нас обоих есть недостатки.

— Возможно, именно поэтому разговор обещает быть интересным.

— Разговор — да, — сказал Люциан. — Остальное я бы оставил тем, у кого память короче.

Саэрис не обиделась. Наоборот. В её взгляде появилось то самое живое любопытство, которое делало её опаснее.

Драэмор возвышался над Валарисом как чёрное сердце в теле материка. Это был не дворец в обычном смысле. Скорее крепость, город и трон, сросшиеся в одну огромную волю. Башни поднимались из скалы, как клыки. Между ними висели мосты. В стенах горели тёмно-красные жилы, будто сами здания медленно проводили по себе кровь. У ворот стояли стражи. Они не склонились перед гостями. Саэрис провела их внутрь. Коридоры Драэмора были широкими, но не давали ощущения свободы. Стены будто следили за шагами. В чашах горел огонь. Тронный зал был огромен. Красота здесь не просила восхищения. Она давила. Чёрный базальт уходил вверх колоннами, похожими на застывшие стволы мёртвого леса. Между ними тянулись вставки кровавого стекла, и в каждой такой вставке дрожал тёмно-красный свет, будто внутри стен медленно двигалась густая жидкость. Пол был отполирован до зеркальной глубины. В нём отражались ноги стражей, высокие окна и трон, стоящий в конце зала на широкой ступенчатой платформе. Над троном висел знак Morvath. На троне сидел Рейвис Морват. И первое, что поняла Лира: он не пытался выглядеть властным. Ему это было не нужно. Власть уже сидела в его осанке, в неподвижности длинных пальцев на подлокотнике, в том, как стражи у стен старались не смотреть на него. Даже сидя, он казался неправильно высоким. Когда Рейвис медленно поднялся, зал словно стал ниже. Холодные светлые волосы, зачёсанные назад, резко контрастировали с мертвенно-бледной кожей и глазами цвета тёмной крови. Красными так, будто внутри него что-то давно было испорчено и уже не пыталось выглядеть живым. Каэль отметил рост. Расстояние до рук. Длину шага. То, что Рейвис двигался без лишнего напряжения, как существо, которому не приходилось доказывать силу движением. Люциан смотрел на кольцо. Тёмный металл. Красный камень. Знак Morvath, вписанный в оправу так, будто это была не украшенная печать, а маленький приговор. Аронелла смотрела на лицо. И видела не только правителя Валариса. Она видела кровь, которую когда-то дала. И то, что эта кровь следовала с собой без неё. Рейвис остановился у края ступеней. Он не поклонился. Не улыбнулся. Не сделал ни одного движения, которое можно было бы принять за признание старшей крови. Когда он заговорил, зал будто перестал дышать. Слова прозвучали на таком древнем Vaelkarin, что Лира поняла только отдельные корни. Даже Люциан, стоявший рядом, заметно напрягся. Это был не язык двора. Не язык материка. Не тот жёсткий Valagin, который они слышали на улицах.

— **Ara ven Vael. Maera-shael tor.**

Лира не поняла смысла, но почувствовала тяжесть. Кровь. Вечность. Мать. Возвращение. Аронелла ответила на том же языке. В голосе отобразилась вся её древняя мощь.

— **Morvath ven drael. Noct na dhal.**

Люциан тихо выдохнул. Каэль посмотрел на него.

— Не всё понимаю, — сказал Люциан. — Слишком старая форма.

— Но часть?

Люциан не отвёл взгляда от Рейвиса.

— Она сказала, что Морват помнит цепи.

Рейвис медленно улыбнулся. С сожалением.

— Удивительно, — сказал он уже понятнее, но всё ещё на высоком языке. — Первая из нас снова пришла к своему народу.

Пауза.

— После того как бросила его.

Аронелла не шелохнулась. Но Каэль увидел, как изменились её глаза.

— Я была предана, — сказала она.

— Ты была королевой.

Голос Рейвиса остался спокойным и властным. И от этого каждое слово звучало страшнее.

— Королевы не имеют роскоши быть только преданными.

Аронелла смотрела на него.

— Ты говоришь так, будто не знаешь, кто открыл врагу двери.

Рейвис чуть наклонил голову.

— Я помню всё.

На мгновение в зале стало так тихо, что Лира услышала собственное дыхание. Рейвис сошёл на одну ступень ниже.

— Я помню, как ведьмаки рубили наш народ. Всех кто попадался им на глаза: мужчин, матерей, детей. Помню, как я предупреждал тебя. Помню, как твой голос исчез. Помню, как те, кто верил в твоё милосердие, умирали под руками людей, которым ты позволяла сидеть при нашем дворе.

Он перешёл на общий язык. Намеренно, чтобы поняли все.

— Я помню, как твоя мечта истекала кровью.

Каэль чуть напрягся.

Рейвис продолжил.

— А это особенно забавно.

Он перевёл взгляд на ведьмака.

— Ты привела с собой врагов.

Каэль впервые заговорил:

— Я не человек.

Рейвис посмотрел на него сверху вниз.

— Нет. Ты их изобретение.

— Оружие, которому дали определённое количество сил и памяти, чтобы оно считало себя личностью.

Лира почувствовала, как внутри всё сжалось. Каэль не изменился в лице. Вообще. И это, кажется, заинтересовало Рейвиса больше, чем ответная злость.

— Удобно, — сказал Рейвис. — Королева забытой эпохи возвращается к вампирам рядом с тем, кого люди создали, чтобы нас убивать.

Он перевёл взгляд на Лиру.

— И с человеком.

Он произнёс это слово так, будто оно было не оскорблением. А категорией пищи.

— Девочка.

— Для чего? — спросил Рейвис. — Совесть? Украшение? Или запас крови на случай долгого пути?

Аронелла произнесла тихо:

— Осторожнее, не забывай, кто тебя создал.

Рейвис посмотрел на неё.

— Вот она. Аронелла. Первая из всех. Королева. Всё ещё защищает пищу и пытается бороться со своим внутренним голодом, который сама зачем-то сдерживает.

Люциан сделал шаг вперёд. Совсем небольшой. Но Рейвис уже смотрел на него.

— Люциан Velkaris.

Люциан слегка склонил голову.

— Рейвис Morvath.

— Мой любимый Velkaris.

Саэрис перевела взгляд на Люциана. Впервые без игры. С интересом.

Рейвис продолжил:

— Всё ещё пытаешься доказать самому себе, что достоин имени дома?

Люциан улыбнулся. Очень спокойно.

— А ты всё ещё пытаешься доказать миру, что страх — это форма заботы?

В зале чуть заметно изменилось напряжение. Стражи не двинулись. Но стали внимательнее. Рейвис не рассердился.

— Тебе стоило стремиться к имени Morvath, Люциан. Мы хотя бы не тратили века на сожаления, которые противоречат природе высших существ.

— Да, — сказал Люциан. — Вы предпочитали тратить их на оправдания.

В зале на пару секунд повисла мёртвая тишина.

— Мы снова нашли друг друга спустя столько времени, — сказал Рейвис. — Какая щедрость истории.

— История редко щедра, — ответил Люциан. — Чаще она просто не закончила издеваться.

Рейвис тихо усмехнулся. И снова посмотрел на Аронеллу.

— Я был младшим из первых ветвей. Последним, кого ты назвала прародителем. Ордрас ушёл в свои глубины. Серет растворилась в тенях. Каэдор держался за клятвы, пока клятвы не начали ломать тех, кто их произносил.

Он сделал ещё один шаг вниз.

— А я остался.

Аронелла не двигалась.

— Ты сбежал.

— Я спас тех, кто ещё мог быть спасён.

— Ты подчинил их.

— Я дал им город. Стены. Кровь. Закон. Ты дала им мечту и последующую смерть.

Он наклонил голову.

— Мечты плохо держат удар клинка.

— Выживание без смысла, — сказала Аронелла, — ведёт в пустоту.

Рейвис улыбнулся.

— Это говорят только те, кто не умирал вместе с народом.

Слова ударили точно. Лира увидела это. Каэль тоже.

Рейвис продолжил:

— Ты вернулась поздно, Аронелла Велкарис. Здесь больше нет двора, где люди спорят с вампирами за одним столом. Нет песен о равенстве крови. Нет твоего милосердия, которое делало нас удобными для предательства. Нет божества, которое создало великое творение для того, чтоб оно же себя ограничивало.

Правитель нового материка поднял руку.

— Здесь есть королевство Валарис.

— И оно живо.

Аронелла смотрела на него долго.

— Ты извратил само понятие жизни и подстроил его под свои гнусные желания.

— Твоё мнение раньше имело вес, сейчас же ты находишься в новом времени, в новом месте и с новыми вампирами. Ты должна быть благодарна за то, что я взял ответственность за потерянную цивилизацию и не дал ей исчезнуть с лица земли.

Саэрис чуть опустила глаза, испытывая гордость и удовольствие от правды отца. Она росла в этом языке власти. Ей не нужно было учить его заново. Рейвис неожиданно повернулся к ней.

— Гости устали после дороги.

Слово гости прозвучало как пленники, только с лучшим воспитанием.

— Выдели им покои.

— Разумеется, отец.

Аронелла сказала:

— Я пришла не за твоей версией истории.

Рейвис посмотрел на неё.

— Другой здесь не осталось.

Пауза стала длинной.

Потом он добавил:

— Отдыхай, Первая кровь. Завтра ты увидишь, что стало с твоей мечтой.

Аронелла не ответила. Все вышли из тронного зала. Саэрис повела их к покоям. Слово покои здесь звучало скорее насмешкой. Драэмор предпочитал называть клетку комнатой, если стены были настолько красивыми, чтобы дать возможность хотя бы поверить в свободу. Они шли по длинному коридору. В стенах мерцали руны Arath-Sael, и Лира чувствовала от них слабое давление, будто сам дворец умел слушать кровь. Аронелла шла молча. Каэль рядом. Люциан чуть позади. Саэрис впереди — легко, почти бесшумно.

— Отец и вправду великодушен, — сказала она, не оборачиваясь. — Не каждый чужак получает покои в Драэморе в первый же вечер.

Люциан посмотрел на стены.

— Как трогательно. Несмотря на политику правления, даже у вас сохранилось понятие о гостеприимности.

Саэрис улыбнулась краем губ.

— Только если гости представляют определённого характера интерес.

На повороте им навстречу вышел мужчина. Он появился не из боковой двери и не из тени. Просто вошёл в коридор так, будто коридор существовал только для него. Высокий. Массивный. Широкоплечий. На нём не было тяжёлой брони, но плотная тёмная кожа, ремни и металлические вставки сидели на нём так, будто он мог выйти на арену в любую секунду. Лира заметила его лицо: тяжёлый лоб, мощная челюсть, грубые скулы, коротко стриженные тёмные волосы почти под лезвие. На открытом предплечье тянулись старые рубцы — белёсые, неровные, похожие на следы, которые оставляют не для памяти, а чтобы показать в скольких битвах ты вышел победителем. Но Каэль заметил другое. Руки. Плечи. Вес шага. То, как мужчина занимал пространство, а не проходил через него. Этот не был придворным. Не был стражем. Страж стоит, чтобы не пустить. Этот шёл так, будто ждал, когда ему наконец позволят сломать. Мужчина двигался прямо навстречу. Каэль не изменил шаг. И мужчина тоже не изменил. Их плечи соприкоснулись. Не сильно. Так не сталкиваются случайно. Так говорят без слов: ты должен был уступить. Лира задержала дыхание. Каэль не остановился. Не повернул головы. Не посмотрел. Просто пошёл дальше. Так спокойно, будто его задел не сын Морвата, а край стены. Именно это сделало жест опаснее. Мужчина остановился. Медленно повернул голову. В его тёмных глазах проступил тяжёлый кровавый отблеск.

— Ведьмак, — сказал он низко.

Каэль продолжал идти. Не ускорился. Не замедлился. Не подарил ему даже паузы.

Саэрис обернулась и улыбнулась так, будто именно этого ждала.

— Познакомьтесь, — сказала она. — Наш любимый Дамерион.

Лира поняла. Сын Морвата.

Дамерион смотрел только на спину Каэля.

— Он не услышал?

Люциан мягко ответил:

— Не обращай внимания. Проблемы со слухом к старости даже у ведьмаков бывают.

Саэрис прищурилась. Дамерион перевёл взгляд на Люциана. Люциан улыбнулся без особого тепла.

— Не советую принимать это лично. Хотя, если очень хочется, я, конечно, не стану мешать.

Саэрис тихо рассмеялась. Дамерион сделал шаг вперёд. Но сестра Морват подняла руку.

— Потом познакомишься со всеми ближе. Отец ждать не любит, ты же сам знаешь.

Слова подействовали. Дамерион не понаслышке знал, что бывает, если заставлять ждать Рейвиса Морвата. Дамерион фыркнул. Низко. Зверино. Потом прошёл мимо них дальше — туда, откуда они только что пришли. Каэль не обернулся. Но Лира заметила, как его пальцы на мгновение легли ближе к рукояти. Он не проигнорировал угрозу. Скорее не стал кормить её вниманием. Покои оказались не комнатой, а целым гостевым крылом. Высокие окна выходили на Валарис. За стеклом горели тёмные огни города, двигались тени на мостах, а далеко внизу краснела гавань, где остался корабль. Внутри было несколько помещений: общий зал, две большие спальни, узкая библиотека без книг и купальня.

— Отец велел разместить вас достойно, — сказала Саэрис.

Люциан осмотрел стены.

— Как щедро. И сколько из этих стен умеют слушать?

Саэрис улыбнулась.

Аронелла посмотрела на самовлюблённую вампиршу.

— Мы останемся здесь вместе.

— Как пожелаете.

— Так и желаем, — тихо подтвердил Каэль.

Саэрис перевела на него взгляд.

— Ведьмак всё ещё думает, что безопасность здесь зависит от расстояния между комнатами.

Каэль не ответил.

Саэрис улыбнулась.

— Отдыхайте. Завтра отец покажет вам Валарис.

Она задержала взгляд на Люциане.

— А если ночь покажется слишком длинной, Velkaris, ты знаешь, кто уже предложил тебе компанию.

Люциан слегка склонил голову.

— Я постараюсь пережить одиночество достойно.

— Посмотрим, насколько ты силён.

— Обычно до этого момента не успевают дожить.

Саэрис улыбнулась ещё раз и вышла.

Двери закрылись мягко. Без удара. Но звук замка, вставшего на место, был вполне угрожающим.

Лира медленно выдохнула.

— Мы гости?

Каэль подошёл к окну и посмотрел на город. Люциан снял перчатку и провёл пальцами по стене, будто проверяя нет ли потайных ходов.

— Мы редкие предметы, которые пока решили не разбивать.

Аронелла стояла у окна. Валарис жил. Её народ жил. И это почему-то вызывала боль сильнее, чем если бы она нашла только руины. Ведь руины хотя бы честно признают смерть. А Валарис дышал. Говорил. Смотрел на неё чужими глазами. И впервые за семьсот лет Аронелла поняла: иногда самое страшное — не узнать, что твой мир погиб. Иногда страшнее увидеть, что он выжил. И в нём не осталось ничего от тебя.

ГЛАВА 5

СВЕТ ОСТАВИЛ КОРОЛЯ

**701 год Счёта Четырёх Корон. Второй день
Светодара. Веларион, столица Аурелии.**

В тот час, когда Аронелла смотрела на Валарис из окон чужих покоев, Веларион просыпался без света. Не без солнца. Солнце было. Оно поднялось над крышами, скользнуло по золотистым шпилям Храма Аурелона, легло на белый камень Солнечного дворца, коснулось купеческих вывесок, рыночных навесов, бронзовых статуй и верхних окон Башни алхимиков. Но город всё равно просыпался так, будто утро больше не принадлежало ему. Веларион восстанавливался внешне, но в сердцах жителей поселились сомнения и страх. Город может и пытается стереть всё произошедшее из памяти, но его раны лежат открыто: обваленные стены, сгоревшие дома, пустые улицы, мёртвые площади. В них есть страшная честность. Веларион продолжал жить. Открывались лавки. Скрипели ставни. Пекари вытаскивали из печей хлеб, которого с каждым днём становилось меньше. Купцы раскладывали товары, но уже не спорили громко, не зазывали покупателей, не смеялись над соседями. Ученики алхимиков больше не бежали по улицам с тубусами чертежей под мышкой. Студенты не спорили у книжных рядов о природе света, материи и души. У лечебниц с раннего утра стояли очереди. Матери держали на руках детей с бледными лицами и сухими губами. Старики кашляли в платки. У некоторых больных под кожей темнели тонкие вены, будто сама кровь устала быть красной. Люди называли это по-разному. Серая хворь. Упадочная болезнь. Пепельная лихорадка. Те, кто ещё пытался шутить, говорили: Это Веларион стареет вместе с нами. Но таких становилось всё меньше. Юмор плохо живёт там, где хлеб дорожает быстрее, чем успевают хоронить соседей. У рынка женщина продавала серебряную заколку за три копера. Раньше за неё дали бы серебряный. Сегодня ей нужны были не украшения. Ей нужно было купить похлёбку сыну. У другой лавки мужчина ругался с торговцем зерном:

— Вчера мешок стоил два серебряника!

— Вчера караван должен был войти через восточные ворота, — ответил торговец. — Но он стоит за городом третий день. Люди боятся заходить. Лошадидохнут. Стража требует проверки. Хочешь вчерашнюю цену — иди во вчерашний день. Мужчина замолчал, потому что ответ был не ложный. Люди и вправду старались выживать в тех условиях, в которых находились. Веларион больше не верил во вчерашний день. У стен Храма Аурелона толпилось больше людей, чем в дни великих праздников. Они приносили свечи, медные коперы, детские ленты, маленькие фигурки солнца, вырезанные из дерева. Жрецы принимали всех, но их лица становились всё более усталыми. Они говорили о терпении. Об очищении. О милости света. Люди слушали, но не успокаивались. На северной стене храмовой площади ночью появилась надпись углём: **СВЕТ ОСТАВИЛ КОРОЛЯ**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.